

БОЛЬШЕ ЧЕМ ДЕНЬГИ

Сергей Мошенский

ФИНАНСОВАЯ
ИСТОРИЯ
ЧЕЛОВЕЧЕСТВА
ОТ ВАВИЛОНА
ДО УОЛЛ-СТРИТ

альпина
ПАБЛИШЕР

Сергей Мошенский

**Больше чем деньги. Финансовая
история человечества от
Вавилона до Уолл-стрит**

2022

УДК 330.8
ББК 65.26-03

Мошенский С.

Больше чем деньги. Финансовая история человечества от Вавилона до Уолл-стрит / С. Мошенский — 2022

ISBN 978-5-96-147572-2

От древнего Вавилона до современности деньги сопровождают взлет и падение империй, войны и кризисы, но в первую очередь – жизни простых людей. В своей работе доктор экономических наук Сергей Мошенский рассматривает судьбу цивилизации сквозь призму финансовых отношений и приходит к выводу, что секрет благополучия человека – не в объеме накопленного богатства, а в свободе предпринимательства, неотделимой от личной свободы, и в ответственном отношении к другим членам общества. Автор охватывает четыре тысячелетия человеческой истории и описывает ключевые экономические процессы и явления живым и доступным языком. Книга адресована всем, кто интересуется финансами и законами развития экономики.

УДК 330.8
ББК 65.26-03

ISBN 978-5-96-147572-2

© Мошенский С., 2022

Содержание

Глава 1	7
Появление кредита	8
Глиняные активы	9
Кредитная история и долговое рабство	10
История успеха	11
Дело о фальшивом «векселе»	13
Купцы города Ур	14
Харраны	16
Первый «Великий крах»	18
Был ли Вавилон инновационным городом?	19
Глава 2	21
Города-государства	21
«Ойкономия»	22
Трапезиты и банкиры	24
Пасион	26
Глава 3	28
Единое экономическое пространство	29
Форум	32
Аргентарии	33
Гай Рабирий Постум – история банкротства	36
Успешный банкир и друг Цицерона Тит Помпоний Аттик	38
Публиканы	40
Первые «акции» – <i>particulae</i>	42
Экономический кризис 33 года	43
Сундук с долговыми расписками	44
Глава 4	45
Арабский мир	45
Торговая цивилизация	47
Финансисты из Багдада	49
Первый публичный государственный заем в халифате	50
Гилад и вакф	51
Сакк, суфтаджа и хавала	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Сергей Мошенский

Больше чем деньги. Финансовая история человечества от Вавилона до Уолл-стрит

Редактор Антон Рябов

Главный редактор С. Турко

Руководитель проекта Е. Кунина

Художественное оформление и макет Ю. Буга

Корректоры М. Смирнова, А. Кондратова

Компьютерная верстка М. Поташкин

Иллюстрация на обложке fotodom.ru

© Мошенский С. З., 2022

© ООО «Альпина Паблишер», 2022

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

* * *

Сергей Мошенский

БОЛЬШЕ ЧЕМ ДЕНЬГИ

ФИНАНСОВАЯ
ИСТОРИЯ
ЧЕЛОВЕЧЕСТВА
ОТ ВАВИЛОНА
ДО УОЛЛ-СТРИТ

альпина
ПАБЛИШЕР

МОСКВА
2022

Глава 1

Первая столица капитала

Деньги – самое ценное в мире сырье. Куда более ценное, чем нефть, газ, уран или высокие технологии: все это можно купить за деньги. А вот умение перерабатывать это сырье в финансовые услуги – великая и таинственная алхимия. Та алхимия, которая веками финансирует мировую цивилизацию и дает власть над миром. И первыми это поняли вавилоняне. Именно там, в Месопотамии, началась финансовая история человечества, а это нечто большее, чем только деньги. Ведь за ней стоят жизни и судьбы множества людей, народов и стран.

Первая столица капитала, Вавилон, была построена из кирпичей, и спустя века от «величайшего города, на который когда-либо взирало солнце», как говорили о нем римляне, почти ничего не осталось. Там, где стояли огромные крепостные стены, теперь пологие глиняные холмы на равнине. И сегодня взору предстают лишь восстановленные развалины среди жаркой пустыни в Ираке¹.

В отличие от Греции, Рима и даже Египта Месопотамия почти не оставила следов в современной культуре. Греки и римляне строили из камня, поэтому неплохо сохранившиеся храмы с колоннами, величественные амфитеатры и дворцы помогают нам представить, как они жили, и лучше понять их мир. А на месте Вавилона и других некогда знаменитых городов – только оплывшие кучи обломков. Вавилонские строители имели не меньше опыта, чем греческие, но в их стране было мало камня, потому они строили города из материалов недолговечных. И когда люди перестали там жить, дожди, ветры и время быстро сделали свое дело. Поэтому нам труднее представить себе жизнь людей в Древней Месопотамии. И в самом знаменитом ее городе – Вавилоне.

Но и сейчас, спустя тысячи лет, Вавилон – «великая блудница» в библейской символике – все так же ассоциируется не только с ненавистным для большинства религий развратом, но и с не менее ненавистным ростовщичеством. И жаждой денег.

---

¹ По преданиям, в Вавилоне, этом первом мегаполисе, жило 700 тысяч человек. По подсчетам историков, конечно, гораздо меньше – 60 тысяч в период расцвета. Но для того времени и это очень много. В 1776 г. до н. э., когда была создана первая в истории система права – знаменитый свод законов царя Хаммурапи, Вавилон являлся самым большим в мире городом. А Вавилонское царство с населением около миллиона человек стало самым крупным на земле. Оно занимало большую территорию в Месопотамии (Междуречье, где текли две великие реки – Тигр и Евфрат), весь современный Ирак, часть Ирана и Сирии.

Появление кредита

Больше четырех тысяч лет назад произошло нечто такое, без чего невозможно представить себе современную цивилизацию, – появился кредит². Нравится нам это или нет, но на нем с тех пор держится мир. Кредит, создавший новые окна экономических возможностей, оказался радикальной инновацией, не менее важной, чем изобретение колеса. В Месопотамии было обычным делом брать в долг: крестьяне занимали зерно, купцы – серебро, в кредит также покупали пиво³ и даже дома.

Кредит настолько распространился, что стал причиной семейных ссор. История об этом сохранилась на одной из глиняных табличек нововавилонского периода. В 553 г. до н. э. супружеская пара взяла кредит в одном из вавилонских банков. По поручению супругов агент купил дорогой дом площадью около 100 кв. м за 5,8 кг серебра. Через некоторое время они погасили кредит, и муж решил приобрести еще один дом примерно такой же площадью за 4,7 кг серебра. Часть серебра он взял в долг у жены из ее приданого, а еще часть – у того же банкира. Но, как это часто бывает в жизни, вскоре между супругами возник спор. Видимо, муж не спешил отдавать жене деньги, она подала на него в суд, предъявила долговое обязательство на 3,5 мины (примерно 1,75 кг) серебра и выиграла дело. Однако судебный иск по возврату долга, очевидно, не сильно нарушил общее согласие в семье. Тем временем у супругов родилась дочь. Но они хотели сына и в 551 г. до н. э. усыновили мальчика. А когда муж со временем умер, вдова вместе с приемным сыном купила третий дом, опять взяв кредит у банкира.

---

² Тогда вся жизнь вавилонян вращалась вокруг храмов. Они стали огромными экономическими комплексами, где работали тысячи людей, от пастухов и ткачей до управляющих храмовыми хозяйствами, и там были накоплены немалые богатства. В храмах хранилась казна и выдавались кредиты. Купцы большинство своих сделок совершали с помощью займов, которые получали товарами или серебром (это были кусочки серебра на вес – в Вавилоне не было принято чеканить монеты). А крестьяне брали в долг ячмень, чтобы вырастить новый урожай, а иногда – чтобы дожить до него. Земли, заливаемые водами Евфрата и Тигра, отличались плодородностью – если верить древним историкам, урожай часто во много раз превышал количество посеянного зерна. Так что отдавать ячменем долг с процентами для большинства крестьян было вполне реальной задачей.

³ Хорошая питьевая вода была в дефиците. Пить речную воду не советовали, поэтому вавилоняне употребляли в основном сикеру – напиток из перебродившего ячменя, похожий на пиво. Сикера бывала и крепкой, но чаще всего слабоалкогольной.

Глиняные активы

«Пять шекелей чистого серебра (по цене Шамаша⁴) Иддин-Рамман и его жена, Хумтани, одолжили у Шамаша и Иддин-йатуна. Если они увидят надпись на базарной стене (с распоряжением о возврате долга), они должны возвратить серебро и соответствующую процентную прибыль предъявителю этого документа. Три свидетеля. Месяц Элул (август – сентябрь), 35-й год правления царя»⁵. Эта запись была сделана больше трех с половиной тысяч лет назад во времена царя Хаммурапи. Тогда такие долговые обязательства писали на небольших глиняных табличках (некоторые размером с визитную карточку, другие больше⁶).

На влажной глине острой палочкой из тростника делались надписи. Потом таблички сушили на солнце (позже – обжигали в огне), и они могли храниться тысячелетиями. Благодаря этому такие письменные источники и дошли до нас. Больше трети найденных табличек посвящены экономике – торговым делам, покупке земли и домов, займам.

Когда надпись на табличке была сделана, писец прятал ее в глиняный конверт. Глина раскатывалась тонким слоем, и в нее заворачивали посыпанную пылью табличку. На конверте повторяли написанный на самой табличке текст договора и ставили печати его участников – это делалось, чтобы избежать фальсификаций. Если текст документа вызывал сомнения, конверт разбивали и сверяли с текстом на табличке. Несовпадение надписей на конверте и табличке считалось явным признаком подделки. В отличие от наших бумажных конвертов, которые легко открыть, высохший глиняный конверт можно только разломать.

А вот надпись на базарной стене, вероятно, никто так и не увидел. Либо увидел, но не вернул заем. Ведь обычно после погашения долга глиняные таблички разбивались или размягчались в воде. Так что дошедшие до нас документы – это непогашенные долги. В те далекие времена такая надпись означала многое. Как можно понять, записи о долге – долговые обязательства – составлялись в стандартной форме, исключавшей всякие неоднозначные толкования. Обязательно нужно было указать, в чем именно взят долг (серебро, зерно или еще что-то), и напомнить, что его необходимо вернуть с процентами. Дополнялась такая запись указанием места и времени возвращения долга, именами свидетелей и датой составления документа.

Долговые обязательства на глиняных табличках нередко передавали другому человеку. Поэтому должник при заключении договора не всегда понимал, у кого потом окажется этот документ и кому он должен будет отдавать деньги. Владелец таблички получал такие же права взыскать долг, как и первоначальный кредитор (как позже, через тысячелетия, при вексельном долге). Передача долга считалась тогда в порядке вещей, если об этом даже писали на базарной стене.

Так еще в те давние времена сделали решающее для будущего финансового мира открытие: активы бывают нематериальными (говоря современными словами, виртуальными). Это не только серебро, быки, овцы или мешки с зерном. Активом могла стать одна лишь надпись на глиняной табличке – долговое обязательство, которое не просто приносило процентную прибыль, а еще и передавалось, служило средством платежа или товаром. Законы обеспечивали права на такую «глиняную» прибыль, и благодаря этому для жителей Месопотамии она стала совершенно реальной.

---

⁴ Имеется в виду храм Шамаша, бога солнца и справедливости.

⁵ Hammurabi's Gesetz. Bd. 1 (1904). S. 919. [Здесь и дальше приводятся сокращенные ссылки на использованные источники. Полное библиографическое описание см. в разделе «Литература». – Прим. ред.]

⁶ Длина табличек определялась длиной текста документа: чаще всего от 3–4 см (квитанции) до 7–9 см (договоры), иногда до 20 см (различные списки).

Кредитная история и долговое рабство

До законов Хаммурапи тот, кто не имел возможности вернуть заем, мог попасть в долговое рабство на время, пока не отработает долг. Хотя в нашем понимании рабы – это закованные в цепи чернокожие невольники, месопотамский раб по образу жизни не слишком отличался от нашего крепостного крестьянина XIX в. Рабство было скорее экономическим, и раб даже имел право подать в суд на своего хозяина. Предприимчивый раб мог найти выгодное дело и заработать денег, чтобы вернуть долги и обрести свободу.

После принятия законов Хаммурапи долговое рабство ограничили тремя годами. Но все равно сама мысль о долговом рабстве шокирует. Хотя умом понимаешь, что это в любом случае шаг вперед. Именно благодаря возможности взять займы ячмень голодная смерть заемщику уже не грозила.

Да что там говорить, еще 100–200 лет назад должника, не возвратившего деньги, сажали в тюрьму! Что объединяло Жана-Батиста Мольера, Даниеля Дефо, Рихарда Вагнера и Адольфа Гитлера? Долговая тюрьма. Понадобилось почти три с половиной тысячи лет, чтобы в 1898 г. появился американский Акт о банкротстве, по которому банкрот получал возможность начать новую жизнь без долгов – с чистого листа. Отношение к банкротству изменилось, и оно перестало быть позорным. Дело дошло до того, что в XXI в. президентом крупнейшей сверхдержавы стал человек, неоднократно прошедший через банкротство, – Дональд Трамп.

Хорошая кредитная история ценилась еще в Вавилоне. Отказаться возвращать долг было рискованно – человек полностью лишился бы кредита. А на нем была основана вся повседневная жизнь⁷. Ростовщикам приходилось реструктурировать долг или выдавать новый кредит, лишь бы должник продолжал выплачивать проценты. Это могло продолжаться не просто десятилетиями – долг передавался из поколения в поколение. Так накапливалась кредитная история и возникало понимание, что безупречная кредитная история – более ценный актив, чем отсутствие долгов. Ведь важно то, как мы обслуживаем свои долги по кредитам, а не тот факт, что кто-то их вообще не берет. У тех, кто не брал в долг, нет истории кредитования. Но мертвому такая история вообще не нужна. Так что плохая кредитная история живого лучше, чем безупречная – умершего от голода или обанкротившегося.

---

⁷ Обычной считалась прибыль 20 %. Если земля, дом (сдаваемый в аренду) или другой бизнес приносили меньше прибыли, они были невыгодными. Иногда утверждают, что 20 % – это проценты не за год, а за весь срок займа (см.: Мигор. 2005). Однако сохранившиеся таблички с древневавилонскими математическими задачами (они входят в известную энциклопедию «Урра-Хубиллу») четко показывают, что проценты годовые. Например, говорится, что за пять лет сумма процентов станет равной самому долгу. Совершенно очевидно, что речь идет о 20 % законных годовых (Выгодский. 2013. С. 144–145). Впрочем, это не мешало, конечно же, нарушать закон и выдавать кредиты под большие ростовщические проценты.

История успеха

Нам, конечно, нравятся такие люди, как Стив Джобс, Билл Гейтс или библейский царь Соломон, создающие благодаря своему таланту новое огромное богатство, не отбирая при этом кусок хлеба у других. Но в истории финансового мира бывает не только так. Зарабатывают и на чужих бедах, и на неудачах ближнего.

В VI в. до н. э., во времена правления библейского царя Навуходоносора II, в Вавилоне появился банкирский дом Эгиби, названный так по имени древнего рода⁸. Основателем банка Эгиби стал купец Набу-аххе-иддин (дословно – «Данный богом мудрости»). Имя выбрали удачно – правильный нейминг всегда важен для бизнеса. Его отец был ростовщиком, поселившимся в Вавилоне в 590 г. до н. э. Набу-аххе-иддин быстро понял, что одни только ростовщические операции большого богатства не принесут – нужен иной размах и связи в верхах. И тут ему подвернулся удачный случай.

В те годы жил в Вавилоне знаменитый богач Набу-аплу-иддин, получивший крупное наследство. Наслаждаясь жизнью на полную катушку, он, как это часто бывает, быстро прогулял свое богатство. Оставалось жить в долг и брать деньги у ростовщиков. Набу-аплу-иддин не только был известным человеком, но и обладал личным обаянием. А тот факт, что от наследства уже ничего не осталось, он старательно скрывал. Поэтому ростовщики легко давали ему кредиты. Это продолжалось в течение 15 лет, пока долг не достиг огромных размеров. В 561 г. до н. э. Набу-аплу-иддин понял, что пора выходить из игры, и объявил себя банкротом.

И тогда все его имущество (а там были и дорогие дома, и земли) по дешевке скупил Набу-аххе-иддин, занявшийся расчетами с кредиторами. Тем, кто имел долговые обязательства, он предложил уплатить половину долга, а несогласным с такими условиями вообще отказался платить. На этом погашении долгов и распродаже недвижимости Набу-аххе-иддин настолько обогатился, что вскоре основал свой банк Эгиби.

Все это совпало по времени с приходом к власти царя Нергал-шарру-уцура. Его доверенным банкиром стал Набу-аххе-иддин, и несколько роскошных особняков, принадлежавших ранее разорившемуся богачу, перешли в собственность правителя. В финансовом мире Вавилона взошла новая звезда – приближенный к царю Набу-аххе-иддин из рода Эгиби. Когда престол занял Валтасар, Набу-аххе-иддин и при нем оставался придворным банкиром. Так началась история знаменитого вавилонского банка Эгиби, владевшего землями и жилой недвижимостью, принимавшего депозиты и выдававшего под процент кредиты, – далекого предтечи современных банков. Уже тогда предприимчивые вавилоняне поняли, что «торговля деньгами» – это не только простое ростовщичество. Первые «банкиры» расширили круг услуг – кроме выдачи кредитов они принимали вклады у клиентов, проводили для них безналичные платежи и оплачивали чеки. А это уже сугубо банковские операции. По депозитам платили в среднем 7 % годовых, кредиты выдавали под 20 %. На разнице получали прибыль. Правда, в отличие от средневековых итальянских банков, для вавилонских «банкиров» их деятельность не была основной, и в отдельную профессию она так и не выделилась. Неслучайно не появилось даже слово для ее обозначения.

Дело Набу-аххе-иддина продолжил его сын, Итти-мардук-балату, при котором во владении банка Эгиби оказались многочисленные дома, поля и рабы⁹. Всю эту огромную недвижимость начали сдавать в аренду, так же как и рабов. Богатство и влияние банка росло. Так Мардуку-нацир-апли, наследнику Итти-мардук-балату, достались огромные деньги, и он стал вкладывать капиталы в международную торговлю. Но общее состояние вавилонской эконо-

---

⁸ Первые упоминания о роде Эгиби появляются в 715 г. до н. э.

⁹ Wunsch. 2010. P. 48–50.

мики ухудшалось – приближался конец этого древнего государства. Плохо пошли дела и у Мардука-нацир-апли – ему пришлось часть имущества банка Эгиби заложить, а часть продать царскому казначею Багасару. Новая недвижимость больше не покупалась, и, судя по всему, банкирский дом Эгиби оказался в критическом положении. Подробности его угасания история для нас не сохранила. Известно только, что в 485 г. до н. э. единственный сын Мардука-нацир-апли сдал в аренду принадлежавшую ему скромную тростниковую хижину. Арендатором был раб, и он платил обедневшему потомку Эгиби едой – дневной порцией хлеба. Похоже, дела пошли совсем плохо. А через три года Вавилон пал – его разрушили войска персидского царя Ксеркса.

Дело о фальшивом «векселе»

С защитой прав собственности в Вавилоне проблем не возникало. В вавилонском царском суде 22 октября 543 г. до н. э. слушалось дело о фальшивом «векселе». Истцом выступал уже знакомый нам Итти-мардук-балату, сын придворного банкира Набу-аххе-иддина, ставший жертвой вымогателей. В Вавилонии владельцы земельных участков старались их не продавать, но иногда долги вынуждали к этому. Так было с тремя братьями, земли которых купил за несколько лет до этого Набу-аххе-иддин для своего сына. Когда знаменитый банкир умер, двое из братьев явились к сыну и предъявили ему «вексель» на глиняной табличке на сумму 5 мин (2,5 кг) серебра, которое они якобы взяли в долг под залог земель, уже проданных семье придворного банкира.

По вавилонским законам продажа заложенных земель запрещалась, сделка считалась незаконной, и кредитор имел право забрать их у покупателя. Братья предложили выкупить у них «вексель» всего лишь за 0,5 мины (0,25 кг) серебра. Однако сын Набу-аххе-иддина был опытным в таких делах и сразу заметил неувязку – ведь «вексель» должен находиться у кредитора. Он прямо спросил у братьев, как к ним попала эта табличка. И тогда один из мошенников понял, что обман не удался, и стал грызть табличку зубами, пытаясь уничтожить. Но сын банкира не растерялся и схватил его за горло.

А потом братья вместе с обгрызенным «векселем» предстали перед царским судом. Сначала они все отрицали, но судьи потребовали, чтобы явился кредитор. И тут оказалось, что никакого кредитора нет и это выдумка – братья хотели продать фальшивый «вексель», чтобы получить деньги. Суд постановил заковать мошенников в цепи до тех пор, пока они не уплатят огромный штраф – 50 мин (25 кг) серебра. Это был десятикратный размер суммы, указанной в подложном «векселе».

Купцы города Ур

«Купцов у тебя стало более, нежели звезд на небе»¹⁰. Их стало действительно так много, что задолго до расцвета Вавилона в древнем городе Ур (где родился библейский Авраам), одном из крупнейших экономических центров, за две тысячи лет до н. э. возник целый деловой квартал. Ур, богатый и шумный торговый город на берегах Евфрата, считался древним уже во времена Авраама. Позже река изменила свое русло, и сейчас она течет в пяти километрах восточнее. В XVIII в. до н. э. это был самый процветающий город на земле.

А деловой квартал древнего Ура стал первым финансовым центром в человеческой истории. Он располагался в стороне от главной части города, рядом с причалами, которые использовались для морской торговли. От центральной площади расходились четыре улицы, тесно застроенные домами. В финансовом квартале Ура не сооружали роскошных особняков – в этом городе еще не накопили столько богатства, как в Вавилоне во времена банка Эгиби. Купцы Ура жили в простых двухэтажных домах, стоявших близко друг к другу вдоль лабиринта улочек и переулков, иногда настолько узких, что там и два осла не могли разминуться. Если пройти сегодня по раскопанным улицам древнего Ура (остатки домов сохранились там на высоту метр-полтора) и раскинуть руки в стороны, они упрутся в стены. Вход в дом вел во внутренний дворик, вокруг него находились жилые помещения, а на улицы обычно выходили глухие стены.

Во время раскопок Ура, проводившихся в 1920-х гг. англо-американской экспедицией (ею руководил сэр Леонард Вулли), под полом в домах купцов и финансистов нашли глиняные таблички с надписями об их операциях. Большинство из этих записей сделали при царе Римсине (1822–1763 до н. э.), правившем незадолго до Хаммурапи. Так у нас появилась возможность узнать, чем занимались жители делового квартала.

Вулли для удобства назвал улицы древнего Ура так же, как в английских городах. Это прижилось, и одну из улиц в деловом квартале с тех пор все называют Niche Lane – «улицей Ниш». Как она называлась на самом деле, мы не знаем, да это уже и неважно. В доме № 3 жил Думузи-гамиль – человек, известный в финансовом мире Ура¹¹. Он был тамкаром (лицензированным торговым агентом)¹² храма Нанны. Через его руки проходило огромное количество разных товаров (зерна, мяса, шерсти), предназначенных для храмового хозяйства. Еще он снабжал храм быками и овцами для ритуальных жертвоприношений.

Трудно сказать, что он представлял собой как человек, – ведь после него остались лишь лаконичные записи финансового характера. Да и жил Думузи очень и очень давно. Но даже из этих скудных записей можно понять, что он был хорошо образованным (для своего времени), уверенным в себе и осторожным со своими деньгами. Вместо того чтобы нанимать писца (как поступали тогда многие), он вел эти записи сам – не доверял никому свою конфиденциальную финансовую информацию. В те времена все знали, что нанятые писцы не умеют держать язык за зубами. Ясно и то, что был он успешным бизнесменом, человеком практического, делового склада.

В 1796 г. до н. э., незадолго до того, как Хаммурапи удалось объединить всю Месопотамию в одно большое государство, Думузи со своим компаньоном Шуми-абия взяли в долг 500 г серебра у Шуми-абума (начальника всех тамкаров города). Такие операции стали обычным делом среди купцов Ура. Думузи обещал вернуть свою долю с процентами (297,3 г серебра) через пять лет. Интересно, что через некоторое время Шуми-абум перепродал этот долг двум

---

¹⁰ Книга пророка Наума, 3:16.

¹¹ В не самом большом по площади доме Думузи нашли более 40 глиняных табличек с записями коммерческого характера. Из них 15 касаются займов серебром.

¹² Все торговые агенты (тамкары) были купцами, но далеко не все купцы имели возможность стать тамкарами.

купцам, Нур-илишу и Син-ашареду, которым Думузи и возвратил необходимую сумму в срок – в 1791 г.¹³ Так что передача долговых обязательств в Уре уже была в порядке вещей.

Из записей на табличках, найденных под полом дома Думузи, мы узнаем, что он и сам давал в долг суммы поменьше на более короткий срок, а капиталы инвестировал в свой бизнес – пекарни.

---

¹³ Microp. 2005. P. 26.

Харраны

Возможностей для инвестиций в древнем Уре хватало. Одни вкладывали в производство, другие в торговые общества – партнерства купцов. Так поступал сосед Думузи-гамилы – владелец корабля и самого богатого дома в городе Эа-насир (Эйянацир), создававший партнерства для торговли с портами Персидского залива. Его с компаньонами называли «предприимчивыми дельцами с Дильмуна». Из Месопотамии они везли на кораблях сельскохозяйственную продукцию в Дильмун (Тельмун) – Бахрейнские острова в Персидском заливе. Там месопотамские купцы покупали индийские и южноаравийские товары. Эа-насир приобретал медную руду по заказу царя, обогащал ее в собственной мастерской, и потом из нее изготавливали бронзовое оружие для воинов.

Однажды перед очередным плаванием Эа-насир создал партнерство из 51 купца, приняв от них серебро и товары, которые обещал обменять на медь, драгоценности и пряности. В сохранившемся тексте договора он не только подтверждал, что получил от других участников временного партнерства ценности, но и брал на себя обязательство распределить потом прибыль между участниками пропорционально их вложениям. Возможные убытки также ограничивались размерами вкладов. Среди участников были те, кто сделал небольшие вклады, так что в подобные торговые объединения входили не только богатые купцы, но и мелкие индивидуальные инвесторы. Средний класс, как мы сказали бы сегодня.

В годы расцвета Вавилона партнерства купцов назывались харранами (*аккад.* «харрана» – дорога). Обычно они создавались для торгового путешествия, а прибыли и убытки делились между вкладчиками. Некоторые участники сами отправлялись в путешествие со всеми его хлопотами и трудностями, а другие лишь передавали для этого свои товары либо серебро. Для богатых вавилонян это был хороший способ вложить капиталы, пустить их в оборот и получить прибыль (от 20 до 50 %), не обременяя себя заботами.

Договор об участии в партнерстве был довольно простым: «Шесть мин серебра поступило от лица 2 лицу 1 за участие в харране. Половину прибыли от того, во что будет вложен этот капитал... лицо 2 отдаст лицу 1. А шесть мин серебра остаются долгом лица 1 лицу 2 за участие в харране». Документ заверялся печатями трех свидетелей и писца, указывались место и дата.

Такие объединения могли существовать очень долго. В архиве банкиров Эгиби есть записи о харране, которые сохранялись 42 года, переходя от одного поколения к другому. Наследники не распускали объединение и не делили бизнес до тех пор, пока главный управляющий партнер не стал слишком стар, чтобы продолжать дело. Но даже и после этого наследники еще несколько лет получали доход от своего участия в партнерстве¹⁴.

Если не вдаваться в юридические тонкости (совершенно ненужные в данном случае), то очевидно, что такие партнерства, возникшие в Месопотамии четыре тысячи лет назад, были объединениями капиталов и, по сути, мало чем отличались от итальянских комменд¹⁵, обычно считающихся прямыми предтечами акционерных обществ.

Если появление кредита было первой финансовой революцией в Месопотамии, то переход от кредитных отношений к партнерству стал новой революцией в мире вавилонского бизнеса. Он потребовал и революции в умах, и накопленных капиталов. Ведь если купец брал

¹⁴ Wunsch. 2010. P. 52–53.

¹⁵ То есть коммандитных (от *лат.* *commendare* – поручать, вверять) товариществ, или товариществ на вере. Члены таких объединений, начавших появляться в Средиземноморье в X в. н. э., получают возможность участвовать в партнерстве только вкладами, не занимаясь непосредственно коммерческой деятельностью и нести ответственность лишь в размере своего вложения. Подробнее об итальянских коммендах и других формах финансовых сообществ, возникших в Средиземноморье, мы поговорим ниже.

кредит (товарами или серебром), долг нужно было отдавать с процентами, независимо от того, сколько он заработал (или сколько потерял, если корабль утонул при шторме). Так что проблеме рисков кредит никак не решал. А вот когда у купца появились партнеры, дело приняло совсем другой оборот. Они принесли свои доли (кто серебром, кто товарами), и у купца в руках внезапно оказался значительный капитал, что вдохновляло его предпринимательскую фантазию. А риски снизились. Все партнеры понимали риск и брали его части на себя в соответствии с размерами своих долей. Это создавало совершенно новые возможности для предпринимательства и сильно его стимулировало.

Первый «Великий крах»

Думузи-гамиль, Эа-насир и другие обитатели делового квартала Ура хорошо заработали на торговле и кредитных операциях во времена правления Рим-сина. Как обычно, ничто не предвещало приближения проблем – купцы думали, что будут богатеть и дальше, тем более что бизнес у них был хорошо налажен. Но тут произошло непредвиденное: в 1788 г. до н. э. Рим-син издал указ, объявивший все займы недействительными. Слишком многие в Уре с его развитой системой финансовых услуг погрязли в долгах, которые не могли вернуть. Рим-син, наверное, понимал, что купцы следовали за ветром его политики, в какую бы сторону он ни дул. А финансисты пытались сами влиять на события. Через своих должников они приобрели заметную экономическую власть в городе, которая стала беспокоить царя.

После такого указа должники, конечно же, ликовали. А вот для кредиторов это стало крахом самостоятельного финансового бизнеса, не зависящего от царя и храмов. От такого события они не могли себя застраховать – никакая диверсификация рисков не срабатывала, если отменялись все долги. И действительно, после 1788 г. количество операций по оказанию финансовых услуг резко сократилось и вся финансовая система древнего Ура, весьма продвинутая по тем временам, быстро пришла в упадок. Ур перестал быть процветающим портом, и вся его торговля сошла на нет. Оказалось, что не так с кредитом хорошо, как без него плохо.

Был ли Вавилон инновационным городом?

На первый взгляд кажется, что все эти вавилонские толстомордые бородатые цари и статуи тяжеловесных быков несовместимы с самим словом «инновации». Может, еще и потому, что для нас инновации привычно ассоциируются с демократией и свободой. Однако Вавилон для того времени был достаточно свободным городом. Недаром тогда говорили: «Даже собака свободна, когда она входит в Вавилон».

Инновации действительно невозможны без экономических свобод¹⁶, хотя бы минимальных. Основа этих свобод – право на собственность, появившееся больше трех тысяч лет назад в Вавилонии в своде законов Хаммурапи: в нем провозглашалось индивидуальное право на собственность, а ее владельцы защищались законом от кражи, мошенничества и нарушения контрактов. Это был первый полный по тем временам свод законов, созданный за полторы тысячи лет до Римской империи и римского права. Сама идея устройства общества, основанного на применяемом в судах письменном своде законов, стала не менее важным, чем кредит, вкладом Древнего Вавилона в представление о цивилизованной жизни. Как показала потом история, верховенство права или его отсутствие и определяет ту границу между богатыми и бедными странами, которую труднее всего преодолеть.

Когда мы соприкасаемся с другими культурами, особенно древними, возникает соблазн передавать их понятия с помощью привычных нам слов. Называть простейшие письменные долговые обязательства векселем, первые партнерства – акционерными компаниями, ну и тому подобное. На самом деле здесь нет полных совпадений – все эти инновации создавались на основании совсем других систем права и культурных традиций. Поэтому вавилонские долговые обязательства лишь напоминают вексель, а общества вавилонских купцов – привычные нам партнерства и компании. Не будем забывать об этом.

Если посмотреть на результат, на то, что было создано нового в Месопотамии, то эта древняя цивилизация оказывается одной из самых креативных. Началось все с первобытных селений земледельцев и скотоводов. Потом за две тысячи лет там появились большие города, империи, новые технологии, наука, искусство, литература и первый свод законов. Да и наиболее радикальные финансовые инновации – банки и кредит с его письменными долговыми обязательствами (как и сама идея капитала)¹⁷ – возникли в Месопотамии, а не в столь же древнем и могущественном Египте¹⁸. Почему?

Главная причина, как обычно, была в менталитете. И в определяющей его географии. Жителей Месопотамии земной мир интересовал гораздо больше, чем египтян, для которых пребывание в нем было лишь кратким мгновением, подготовкой к вечной загробной жизни. Хотя богатство Египта общеизвестно, он был очень замкнутой страной, расположенной в

---

¹⁶ Как ни парадоксально, само слово «свобода» впервые употребили в документе именно в вавилонском обществе, далеко не демократичном. В Месопотамии под свободой понималось прежде всего освобождение от долгов. Царь должен был заботиться о народе, чтобы его не притесняли чиновники. По обычаю над царским дворцом в День справедливости зажигали факел, что означало очередную отмену долгов и освобождение рабов. Долги под процент упоминаются как нечто всем известное в одной из самых ранних надписей 2402 г. до н. э. В то время ростовщичество так расцвело, что многие оказались в долговой кабале. Урукagina, царь Лагаша, прославился тем, что издал указ о списании всех долгов, вернув жителям Лагаша свободу («амарги»).

¹⁷ Вавилоняне уже хорошо понимали главное свойство капитала – возможность приносить прибыль. Сумму, вложенную в дело, они называли «голова». Наше понятие «капитал», пришедшее через немецкий язык, тоже восходит к латинскому *caput* – голова.

¹⁸ В Древнем Египте займы под процент так и не получили распространения. Займы там чаще всего имели форму взаимной помощи соседям, были беспроцентными и встречались не так часто. А каких-либо данных о существовании там торгового кредита у нас нет. Долг вообще считался в Египте виной, почти преступлением, в то время как в Месопотамии – обычной частью жизни. Вся внешняя торговля Египта контролировалась государством, и, в отличие от Месопотамии, объединений купцов там не возникало.

долине Нила и окруженной безжизненными пустынями. А Месопотамия не имела четких границ, она была открыта другим народам и готова развивать торговые связи с ними.

В Месопотамии разливы рек вызывались непредсказуемыми и нерегулярными дождями. А в Египте все казалось вечным и неизменным: каждый день жаркое солнце, ночью – звезды. И даже разливы Нила, от которых зависело земледелие, происходили в одно и то же время. Эта неизменность осталась у египтян в крови. В Конституции 2014 г. сказано: «Египет – это дар Нила и дар египтян человечеству... место встречи различных культур и цивилизаций... вершина Африканского континента и Средиземноморья...»¹⁹

Неизменность египетской жизни создала и неизменность власти. Фараон считался богом (в Месопотамии царь – просто «великим человеком»). Все решения зависели от его воли, а не от законов, как в Вавилонии. Какие дошедшие до нас инновации создал Древний Египет? Разве что пирамиды, привлекающие сегодня туристов. Все остальное – больше легенды и мифы о давно исчезнувшей и не очень понятной для нас культуре. А вот появившиеся в Месопотамии банки и кредит стали одним из краеугольных камней нашей финансовой цивилизации. Весь финансовый мир основан на умении перераспределять капитал, делать деньги из денег. Способность использовать это умение зависит от эпохи. В первобытном обществе охотников такое просто невозможно представить, в Месопотамии это умение научились ценить, а в современном мире оно стало одним из самых востребованных.

Казалось бы, финансовые инновации вавилонян, засыпанные песками пустыни, надолго оказались забытыми. Ведь саму цивилизацию Месопотамии даже при самой бурной фантазии никто не назовет предшественницей европейской. Может быть, наследие Вавилона как-то и повлияло на Арабский халифат, но явно не на Европу. Но в том, что касается финансов, не все так просто.

Иногда историю европейских финансов ведут от Древнего Рима, хотя, по сути, началась она в Венеции и других итальянских городах. В Средневековье идеи язычников-римлян надолго отбросили. Особенно то, что касалось кредита и банков, – христианам запрещали давать деньги в долг под проценты. Поэтому в Европе на протяжении веков финансами занимались евреи – это давно всем известно. Они и стали звеном, связавшим европейцев с Вавилоном. Еще со времен царя Соломона евреи тесно контактировали с вавилонянами, имея возможность приобщиться к инновациям (кстати, христианская Европа впервые узнала о Вавилоне именно из библейских текстов).

А в 2018 г. премьер-министру Израиля Биньямину Нетаньяху была передана во временное пользование вавилонская глиняная табличка – ей 2600 лет и там упоминается «Бенайя бен Нетаньяху». Это, конечно, не предок премьер-министра (фамилия его отца была Милейковский, и он приехал в Израиль из Польши), но сам факт такого упоминания показателен. Так что благодаря евреям дух вавилонского предпринимательства пережил это древнее и давно исчезнувшее царство, воплотившись в европейскую финансовую традицию через операции Ротшильдов, Эфруссии и многих других – вплоть до знаменитого сахарозаводчика Лазаря Бродского из Киева.

---

¹⁹ Цит. по кн.: Сапронова. 2014. С. 182.

Глава 2

Эллинский мир

Города-государства

У меня есть маленькая арабская шкатулка из красного дерева, куда дети кладут монеты разных стран, где мы когда-то бывали. Нашлась там и греческая монета в 50 драхм. На одной стороне – профиль Гомера, на другой – надпись по-гречески «эллинская демократия» и древний парусный корабль. Наверное, корабль Одиссея. Когда я беру монету в руки, в душе появляются теплые чувства. Как что-то родное и близкое. Похожее ощущение возникало еще в детстве – когда читал о греческой цивилизации. «Бессонница. Гомер. Тугие паруса. // Я список кораблей прочел до середины: // Сей длинный выводок, сей поезд журавлиный, // Что над Элладю когда-то поднялся» (О. Мандельштам). В детском воображении игравшие на арфах атлетические греки – точнее, эллины, как они сами себя называли, – казались мне свободными и оптимистичными. Как было на самом деле, я не знаю и сейчас. Да это и неважно.

В те годы детства, годы советской эпохи, я черпал свои представления об эллинском мире из книг – попасть на греческие острова у меня не было возможности. А когда такая возможность появилась, я увидел своими глазами и Эгейское море, и развалины древних городов. Среди этих развалин иногда кажется, что их история оборвалась внезапно, на полуслове. Хотя умом я понимаю, что она угасла плавно и спокойно, как естественно заканчивается достойно прожитая человеческая жизнь.

Эти города (по-гречески «полисы»), от самых больших до самых маленьких на далеких островах, строились по одному образцу: храм на холме, театр, в центре площадь для торговли и общих собраний. Все граждане (рабы к их числу, естественно, не относились) имели право принимать участие в этих собраниях, где голосованием решались важные для полиса вопросы.

Обычно на греческом острове находился один город в окружении мелких деревень, и этот город считался отдельным государством. Греческие города-государства объединялись в сетевую структуру, в которой отсутствовал центр. Разве что существовали самые большие полисы – например, всем известные Афины. Иногда полисы воевали между собой, но чаще мирно торговали, обмениваясь деньгами, товарами, людьми и новыми идеями. Вот так просто и в то же время совершенно был устроен эллинский мир – «ойкумена».

В островных городах-государствах зародилась античная демократия, ставшая на века примером для европейской цивилизации. Этим Древняя Греция совершенно не похожа на Египет или Вавилон. Греческая культура по самому своему духу была морской. А у тех, кто свободно торгует и путешествует на кораблях между островами, совсем другой менталитет.

Как и демократия, идея открытого миру торгового города-государства пережила века. Она снова возродилась в Венеции и других итальянских городах эпохи Возрождения, затем в Амстердаме, Лондоне и, наконец, в современных столицах капитала постиндустриальной эпохи.

«Ойкономия»

Личная свобода гражданина полиса для греков стала основой свободы предпринимательства. Гражданин участвовал в общих собраниях, голосовал на выборах правителя – вещи в Месопотамии в принципе невозможные, хотя и там свободы предпринимательства для купцов хватало. Так в полисах расцвела коммерция, и древние греки вошли в историю как народ торговый. А около 600 г. до н. э. они изобрели деньги в форме монет²⁰, и денежное обращение распространилось сначала между их городами-государствами, а потом и среди других народов.

Однако в финансовых технологиях греки долго отставали от вавилонян. Нужны были века, чтобы гордые потомки Ахилла и Одиссея поняли: богатство можно получать не только путем завоеваний других городов и стран, но и благодаря предпринимательству, инвестициям и кредитам. К тому же при всей личной свободе граждан полисов их экономический кругозор обычно ограничивался торговлей с соседними островами – не более того.

Но вода камень точит, и время делает свое дело – даже при таком кругозоре сеть деловых и личных связей все больше расширялась, формируя совершенно новое экономическое пространство. Кульминация всего этого для греческого мира настала, конечно же, во времена завоеваний Александра Македонского – первой из известных нам волн глобализации, связавшей на время воедино множество стран и народов.

Кстати, именно деньги объединяли разные страны, помогая становлению империй и мировых религий²¹. С появлением денег не только завоеватели и религиозные пророки начали осваивать мир, но и купцы. А для них весь мир – это рынок, где любые народы могут быть покупателями товара. Появившиеся благодаря купцам и финансистам торговые империи оказались куда прочнее империй, создававшихся царями, потому что в основу легли не пустые политические лозунги типа «Мы хорошие – они плохие», а деньги. Это-то и дало возможность сотрудничать странам и народам, не имевшим до того никаких причин доверять друг другу: деньги оказались универсальной системой, базирующейся на доверии между людьми. Так деньги объединили весь мир, и появились первые признаки глобализации. Древнеримские динарии с профилем императора охотно принимали в Индии, хотя эта страна никак не зависела от Рима. Точно так же сегодня американские доллары берут в самых далеких уголках мира, непосредственно не связанных с Америкой.

Возникла целая культура денег – совершенно новое явление в истории. Во всех странах Древнего мира у большинства населения редко имелось в собственности золото или серебро в заметном количестве. Оно накапливалось в руках богатых или хранилось в храмах. А с появлением монет золото и серебро оказалось поделенным на маленькие кусочки одного веса. И попало в руки небогатых людей, далеких от состоятельной элиты (часто – как оплата наемным солдатам во время бесчисленных войн). Это привело к демократизации финансовых и тор-

---

²⁰ Первые монеты появились в Лидийском царстве (Западная Анатолия на территории современной Турции) – кусочки электрона (или, в другом варианте названия, электрума – слвава золота и серебра) с выбитыми на них надписями. Эпоха, когда распространились первые деньги, совпала со временем жизни создавших новые учения знаменитых мудрецов: Пифагора (ок. 570–490 до н. э.) в Греции, Будды (563–483 до н. э.) в Индии, Конфуция (551–479 до н. э.) в Китае. Видимо, это были такие же времена поисков и брожения умов, как 1970–1990-е гг., когда возникли изменившие нашу жизнь радикальные инновации – персональный компьютер, мобильный телефон, интернет.

²¹ Драгоценные металлы не были универсальным инструментом экономических связей: у одних народов ценилось золото, у других – серебро. У многих драгоценные металлы вообще не имели экономического значения, а роль денег выполняли, к примеру, морские раковины или, как в Центральной Америке, бобы какао. К тому же, когда за товары и услуги платили золотом или серебром по весу, как в Месопотамии, трудно было проверить, насколько качественные эти металлы. С появлением монет эту проблему в целом решили: цари, по указу которых чеканили монеты, были гарантами и качества металла, и веса. Это подтверждали надписи и символы на монетах. Когда к монетам появилось доверие, они распространились среди разных стран и народов.

говых отношений, сделав их более доступными, и совершило переворот в сознании – самую настоящую финансовую революцию.

В эллинском мире вместе с культурой денег возникло экономическое мышление, заставившее греков направить свои мысли в финансовое русло²². В трактате «Ойкономия» («Экономик») философа Ксенофонта (ок. 430 – ок. 355 до н. э.) появилось новое понятие – «экономика», иными словами «благоустроенное хозяйство». Тогда же были заложены основы торгового права. Впрочем, греков не очень интересовала систематизация права – они оставили все это римлянам. А главными инновациями эллинского мира стали сеть торговых городов-государств с их демократией и денежное обращение в форме монет.

---

²² Монеты долго имели хождение только у греков. Финикийцы, главные купцы и банкиры Древнего мира, еще пару веков после появления монет не считали нужным ими пользоваться. Их вполне устраивали привычные слитки драгоценных металлов и письменные долговые обязательства.

Трапезиты и банкиры

На греческих островах существовало более тысячи полисов. Каждый из них выпускал собственные монеты, которые нужно было обменивать по текущему курсу. И на центральных площадях полисов в V в. до н. э. появились пункты обмена валюты – столики, за которыми сидели трапезиты²³. Они занимались обменом денег, что требовало немалого опыта и знаний, ведь полисы выпускали свои монеты с разным содержанием золота и серебра. Шло время, трапезиты богатели, у них накапливались свободные капиталы, и они стали предлагать кредитные услуги (первой формой кредита стал морской заем²⁴). В Афинах кредитными услугами пользовалось 3 % населения (в средневековой Европе – около 6 %).

Вначале трапезиты давали в долг из собственных средств, а потом стали принимать у клиентов вклады, используя их для новых кредитов. Довольно долго это пытались запрещать, но время всегда берет свое, и богатейшие трапезиты стали превращаться в банкиров²⁵. Власти полисов не контролировали деятельность трапезитов и банкиров. Это давало им полную свободу предпринимательства, но от возможных убытков они не были защищены. По слухам, легендарный мудрец Диоген Синопский, живший в бочке, сначала был менялой и ростовщиком. Потом он стал подделывать монеты, был пойман и то ли приговорен к изгнанию, то ли сам бежал из города, опасаясь наказания. После этого ему ничего не оставалось, кроме как стать свободным философом. Ростовщицеством занимался когда-то и другой знаменитый философ, Сократ.

Трапезиты нередко использовали в своих операциях письменные долговые обязательства – прототипы векселя – синграфы и хирографы, перешедшие затем в римскую финансовую систему²⁶. Текст синграфа выглядел просто: «*Такое-то лицо (имя) должно такому-то лицу (имя) такую-то сумму*». В самом по себе этом документе не было ничего особенного – простая форма долгового обязательства. Но факт его распространения говорит о многом – и о периоде экономического роста, и об увеличении количества городов, их населения, а главное – о развитии финансовых услуг. Применение синграфов и хирографов означало, что рынки неплохо функционировали и что права собственности стали достаточно (для своего времени, конечно) защищенными, чтобы люди не только давали друг другу в долг деньги, но и доверяли таким документам. А еще это означало, что политические государственные структуры могли обеспечить и экономический рост, и защиту прав собственности.

А вот что-либо, сравнимое с акционерными компаниями, в греческих полисах так и не возникло – коммерческие объединения купцов оставались простыми товариществами. Еще не появились ни сама идея разделения на доли капитала, вложенного в коммерческие общества, ни тем более идея передачи этих долей другим участникам общества. Для всего этого необходима система права, гарантирующая сохранность собственности всех участников. А ее как раз

---

²³ Трапезит (или трапедзит) – «человек, сидящий за столом»: др.-греч. τράπεζα (произносилось «трапедза») – стол. Трапезитов можно было встретить в 33 полисах, а в Афинах (где в IV в. до н. э. было уже 26 трапезитов) они занимали целый угол центральной площади.

²⁴ Морской заем использовали для финансирования торговых путешествий. В то время они сопровождались немалым риском, поэтому и процентная ставка по такому займу достигала 30 %. Условием возвращения займа и получения процентов становилась доставка товара к месту назначения. Обеспечением займа являлся товар – его стоимость должна была превышать сумму займа (обычно в два раза). Ну а если корабль тонул, кредиторы лишались своих денег.

²⁵ Кроме обмена монет и кредитных услуг, трапезиты выполняли функции посредников, свидетелей и поручителей при сделках, а также хранили у себя документы и ценности.

²⁶ Синграф составлялся в двух экземплярах в присутствии свидетелей, которые подписывали его после должника. Неудобство синграфа состояло в том, что свидетели знали подробности операции, а это часто нежелательно. Хирограф подписывал должник без свидетелей – так решили проблему анонимности. (Подробнее об этих документах см.: Мошенский. 2005. С. 39–47.)

и не было в греческих полисах, несмотря на их богатство и развитость финансовых услуг. Не пришло еще для этого время.

В следующем, III в. до н. э. деятельность трапезитов стала престижной. Прежде ими зачастую становились рабы²⁷, теперь же – и состоятельные граждане полисов. Банкирам начали доверять больше, хотя случалось, конечно, всякое. Всегда оставался риск мошенничества не только со стороны банкира, но и со стороны клиента. Выяснить, кто прав, было непросто, и начинались дорогостоящие судебные процессы. Правда, в отличие от нынешних в полисах они не длились дольше месяца. Клиент в случае проигрыша терял только деньги, а банкир – репутацию честного человека, а часто вместе с ней он утрачивал и весь свой бизнес.

Случались и банкротства – в 377 и 371 гг. до н. э. одновременно разорились несколько банков. Банкиры Аристолах, Созином и Тимодем вынуждены были отдать все свои деньги на погашение долгов вкладчиков. Банкир Гераклид решил скрыться, что вызвало общее возмущение. Оставшееся его имущество все равно было распродано для погашения долгов. Демосфен почему-то считал, что причиной таких банкротств стали люди, которые, «пребывая в затруднительном положении, берут займы, считая, что им должны верить в силу их репутации, а разбогатевав, не отдают долги и присваивают чужие деньги»²⁸. На самом деле причины банкротств крылись не только в этом, но также в рискованных операциях самих банкиров. А вкладчики на собственном опыте поняли, для чего нужна, говоря современным языком, диверсификация рисков, и стали размещать вклады в нескольких разных банках.

Для повышения надежности своих операций банкиры начали делать записи о принятых вкладах, выданных кредитах и прочих движениях капиталов. Трапезиты «имеют обыкновение делать записи и о выдаче денег, и о назначении займа, и о вкладах... чтобы знать для подведения итогов о выданных и вложенных суммах»²⁹, – говорил Демосфен в одной из своих речей в 362 г. до н. э.

Среди банкиров прославился Гермий из города Ассос в Малой Азии. Вначале он был рабом и личным секретарем банкира Эвбула, который пользовался столь большим влиянием, что фактически правил двумя полисами – Ассосом и Атарнеем. Гермий оказался способным, и Эвбул отправил его учиться в Афины. Когда Эвбул умер, Гермий стал его преемником во власти и унаследовал его банкирскую контору, сделавшись богатым и знаменитым. Он дружил с Платоном, Аристотелем³⁰ и даже с македонским царем Филиппом II. Однако дружба с царем его и погубила – он участвовал в разработке планов войны с персами, но те победили, захватили Ассос и Атарней и казнили Гермия.

²⁷ Многие первые греческие банкиры когда-то были рабами, ведь свободные граждане полисов считали финансовые услуги недостойным для себя делом. Если раб осваивал ремесло трапезита и достигал успеха, ему давали свободу – символически «продавали» богу в храме, после чего он считался фактически свободным и мог заниматься финансовым бизнесом. Из известных афинских трапезитов лишь двое, возможно, были афинянами, 14 – иностранцами, 11 – отпущенными на волю рабами, а один – сыном раба, получившего свободу (Bogaert. 1968. P. 331–375).

²⁸ Демосфен. Речи. XLIX. Против Тимофея о долге. 68.

²⁹ Как юридический свидетель в одном из судебных дел, Демосфен «вынес все записи и дал Фрасиериду возможность искать и выписывать все долги Тимофея» (Демосфен. Указ. соч. 5, 43).

³⁰ Аристотель написал в его честь восторженное стихотворение («Сколий в честь Гирмия, тирана Атарнейского»), скептически воспринятое современниками – уж слишком автор расхваливал достоинства правителя-банкира, да еще и бывшего раба. Для свободных граждан это оказался явный перебор.

Пасион

Самым известным древнегреческим банкиром в IV в. до н. э. стал Пасион из Афин. Начиная свою карьеру, будучи рабом трапезита Архестрата и работником его банковской конторы. Архестрат даровал Пасиону свободу, а потом с согласия своего компаньона Антисфена передал и весь бизнес. Пасион к тому времени уже стал далеко не бедным, накопив 11 талантов³¹ (280,5 кг, примерно 11 млн долларов на современные деньги) серебра. Он арендовал банковскую контору Архестрата, и дела быстро пошли вверх³², ведь Пасион славился своей честностью и порядочностью. Вскоре банкир начал давать деньги в долг Афинскому государству и завел влиятельных друзей среди знати, имея неограниченный кредит во всех греческих полисах.

О делах Пасиона мы узнаем из сохранившихся судебных речей. Одна из самых подробных – «Трапезитика» («Трапедзитик»; 393 до н. э.) Исократ. В этой речи он защищает интересы своего клиента – Сопеида, сына Сопея, доверенного лица боспорского царя Сатира I (407–387 до н. э.), с которым Афины поддерживали тесные связи. Истец (повествование в речи ведется от его лица) обвинял Пасиона в том, что тот присвоил его вклад³³.

Сопеид, планировавший торговое путешествие в Боспорское царство, вложил большую сумму в банковскую контору Пасиона. Однако вскоре боспорскому царю Сатиру написали донос на Сопея, и тот был схвачен. Сын тоже попал в немилость, и Сатир мог потребовать его выдачи. Тогда Сопеид пришел к Пасиону, чтобы пожаловаться на свои проблемы и забрать деньги. Банкир сразу понял ситуацию и предупредил, что дело может дойти до конфискации всего имущества. Поэтому лучше сделать вид, что у Сопеида не только нет денег, но и сам он весь в долгах. По совету банкира Сопеид в присутствии свидетелей отрицал, что имеет депозитный вклад, и все считали его должником Пасиона.

Вскоре выяснилось, что донос на отца истца ложный, царь Боспора признал, что неправ, и Сопей снова стал его доверенным лицом. Тогда сын и захотел получить у Пасиона свои деньги обратно. Но «...Пасион решил, что настал самый благоприятный для него случай», так как денег было много и из-за них «стоило забыть стыд»³⁴. Сначала банкир заявил истцу, что не может отдать деньги, потому что у него их нет в наличии, потом стал публично отрицать сам факт депозитного вклада и спрятал единственного свидетеля – раба, бывшего в конторе, когда истец передавал деньги Пасиону³⁵.

Неизвестно, кого судьи признали правым – истца или банкира. Однако Пасион и дальше процветал, оставив после своей смерти в 370 г. до н. э. двум сыновьям огромный по тем временам капитал – 39 талантов (994,5 кг, примерно 40 млн современных долларов) серебра. Банкирскую контору он завещал своему преемнику Формиону³⁶.

---

³¹ Талант – денежная единица и единица массы, в разное время определявшаяся по-разному в количественном отношении. Во времена Пасиона – 25,5 кг серебра. Талант состоял из 6 тысяч драхм – афинских монет. Прожиточный минимум семьи в Афинах в то время составлял 1/3 драхмы в день, а бык стоил 5 драхм. По приблизительным оценкам, один талант соответствует примерно 1 млн современных долларов.

³² Его доходы составляли 1,5–2 таланта в год. Может, и немного для некоторых современных банкиров, но по тем временам это были огромные деньги.

³³ «...Сделки с банкирами заключаются без свидетелей; поэтому и те, с кем они поступают несправедливо, неизбежно подвергаются опасности»; ведь у банкиров «много друзей, и денег в их руках много, да и их ремесло вселяет к ним доверие» – так начинал свою речь Исократ (Исократ. Речи. XVII. Трапедзитик. 1).

³⁴ Там же. 8.

³⁵ «...Самое важное доказательство того, что Пасион захватил у меня деньги, по моему мнению, есть то, что он не захотел выдать для пытки раба, который знал о сделанном мною вкладе. А для сделок в меняльных лавках разве есть более веское доказательство, чем это?» – говорил истец (Там же. 53).

³⁶ Формион в прошлом был рабом и помощником Пасиона. Как утверждал много лет спустя Демосфен в речи в защиту Формиона в другом судебном процессе, еще 50 талантов Пасион незадолго до смерти дал «в рост» другим трапезитам (Демо-

А вот знаменитый оратор Демосфен отзывался о Пасионе как о честном банкире. «Среди людей, занимающихся крупной торговлей и денежными операциями, удивительной находкой считается человек, который окажется одновременно предприимчивым и честным, а как раз эти качества Пасион получил не от своих хозяев... он сам был честен от рождения». А как известно, «доверие служит в денежных делах наилучшей опорой»³⁷.

Кем же был Пасион – порядочным банкиром, славившимся своей честностью (как утверждает Демосфен)? Или ловким дельцом (каким он предстает в описании Исократ), пытавшимся при удобном случае присвоить деньги клиента? Сегодня в этом уже тяжело разобраться. Но история Пасиона – хорошая возможность хотя бы краем глаза заглянуть в мир древнегреческих трапезитов.

сфен. Речи. XXXVI. В защиту Формиона. Встречный иск. 5). Так что общее состояние знаменитого банкира могло быть гораздо большим.

³⁷ Демосфен. Указ. соч. 44.

Глава 3

Империя Вечного города

Границы истории греческого мира размыты и туманны, и начиналась эта история в легендарные незапамятные времена. А вот для римлян эти границы оказались четко определены: от основания Рима (753 до н. э.) и до его падения (476 н. э.). Больше тысячи лет – немало. Греки, прямые потомки банкира Пасиона, и сегодня живут в той же стране. А вот римлян больше нет³⁸. Однако их главный город – поистине Вечный город – остался.

Первый образ Рима сложился у меня в детстве, когда я листал чудом попавшую в библиотеку маленького шахтерского поселка «Историю Рима» Теодора Моммзена – мрачные и тяжеловесные серые тома, изданные в русском переводе в конце 1930-х гг. Вот и Рим мне казался таким же – тяжеловесным, серым и мрачным. Образ Греции представлялся совсем другим – как рисунки к «Одиссее» Гомера, которую я тоже листал в те годы. Море, корабли, веселые бородатые греки, отважный путешественник Одиссей... А у Моммзена не было рисунков – все строго, в имперском духе. Законы, философы, императоры. Легионеры в шлемах и флаги с орлами – прямо как немецкие парады 1930-х гг. Впрочем, это всего лишь детские впечатления. И происходило это давным-давно...

Римляне многое позаимствовали у греков, но их мир был мало похож на греческий. И дело даже не в любви к кровавым зрелищам (бои гладиаторов), не свойственной грекам. Дело в империи³⁹. В истории их было немало, и каждая считала только себя единственной настоящей империей в окружении варваров (или врагов, смотря по обстоятельствам). И верила, что она вечная – по крайней мере тысячелетняя. Но приходит время, и любая империя погибает. Ее уничтожают чаще всего не варвары или враги, а утрата веры в исключительность своей правоты. Так случилось и с Римом.

---

³⁸ Итальянцы – потомки римлян лишь отчасти, как жители современного Египта – не совсем потомки древних египтян.

³⁹ Вначале древнеримское государство являлось республикой (с 509 по 27 г. до н. э.), напоминающей демократическое устройство греческих полисов. Затем демократия, как обычно это бывает, надоела – захотелось диктатуры, империи. Римская империя существовала с 27 г. до н. э. до 476 г. н. э., и власть в ней становилась все более авторитарной. Для римлян «Империя» – имя собственное. Так называлось их государство (*Imperium Romanum*, «Римская власть»), и никаких других империй для них в принципе быть не могло. С тех пор как Рим, Вечный город, завладел всем доступным миром, для сторонников идеи империи римляне остаются примером для подражания. Империя – искусственно созданное государство с расширяющимися границами, подчинившее себе много различных народов. Политическое устройство империй бывало разным, и вовсе не обязательно авторитарным. Одна из самых знаменитых, Британская империя, стала вполне демократичной по стилю правления. Размер империй не всегда большой. Империя ацтеков была меньше территории современной Мексики, но это типичная империя, в отличие от Мексики. В XX в. империи чаще всего ругали, однако в начале XXI в. идея новой глобальной империи снова приобретает популярность. Я не сторонник империй, мне ближе либерализм и демократия, но реальное положение дел, увы, такое. Будущие империи, скорее всего, не будут демократическими. Что ж, всему свое время под солнцем. И свое место на земле.

Единое экономическое пространство

Римская империя во времена своего расцвета в первые века нашей эры занимала огромную территорию от Британских островов до Северной Африки и нынешней Турции. Еще большей стала сеть торговых связей империи, такими же взаимосвязанными были и финансовые рынки, что понимали уже тогда. «...Когда очень многие люди потеряли в Азии большие деньги, в Риме, как мы знаем, платежи были приостановлены и кредит упал», потому что «кредит, существующий здесь, и все денежные дела, которые совершаются в Риме на Форуме, тесно и неразрывно связаны с денежными оборотами в Азии»⁴⁰.

По сути, это была новая волна глобализации, начавшаяся после распада недолго существовавшего обширного царства Александра Македонского. Римляне управляли своей империей жестко, и военная сила, представленная бесчисленными легионами, помогла им создать единое экономическое пространство с одной валютой. Целый «Римский мир» – *Pax Romana*, как они его сами называли.

Поддерживала единое экономическое пространство хорошо разработанная система безналичного перевода денег (*лат. permutatio*). Когда Цицерон покупал себе дом за 3,5 млн сестерциев, он, конечно же, не вез продавцу три тонны серебряных монет. Покупатель шел к своему банкиру, тот связывался с банкиром продавца, и сделка происходила с помощью записей в учетных книгах финансистов. Так же передавались из отдаленных провинций в Рим налоги – мешки с монетами обычно никто не пересылал. Эта, пожалуй, самая важная финансовая инновация римлян стала основой всем нам знакомых денежных переводов.

Во время расцвета империи в Риме проживало более миллиона человек, и он оказался самым большим городом мира. Рим был невероятно богатым, там сосредоточилось огромное количество золота и жило много очень состоятельных людей. У Красса, которого называли самым состоятельным человеком в Риме, имущество оценивалось в 170 млрд долларов в современном эквиваленте, а у императора Августа еще больше – 4,6 трлн⁴¹.

Среди римской элиты сложился настоящий культ роскошной и праздной жизни. Считалось, что настоящее богатство – это земля, на втором месте были дорогие дома. Поэт Марциал писал, что богат тот, у кого есть дом с сотней колонн, сундук с золотом, большие земельные владения (в том числе на берегах Нила в Египте) и множество должников, взявших деньги под хорошие проценты. Римский богач покупал и продавал земли, а также получал прибыль от того, что давал деньги займы. Он хорошо усвоил простую истину: деньги нужно выгодно давать в долг. Или тратить в свое удовольствие – жить в роскоши в богатом доме из белого мрамора, пить вино из хрустальных кубков в окружении огромной свиты рабов, рабынь и всякой прислуги.

Изобилие свободных капиталов появилось в Риме после того, как в 30 г. до н. э. был захвачен Египет – богатейшая древняя страна. Можно даже сказать, что захват Египта изменил судьбу Рима и ускорил создание империи. В долине Нила находились огромные сельскохозяйственные угодья, и, когда Египет стал римской провинцией, цены на зерно в Риме сильно

---

⁴⁰ Цицерон. Речь о предоставлении империя Гнею Помпею... VII, 19.

⁴¹ Дом трибуна Клодия стоил 15 млн сестерциев (около 15 млн долларов), имущество историка Плиния оценивали в 32 млн, у знаменитого Брута, убившего Цезаря, было 40 млн, у философа Сенеки – 300 млн сестерциев. И это еще не самые богатые римляне. Соответствующей стала и роскошь повседневной жизни элиты. Обед, который устроил Лукулл для двух гостей (Помпея и Цицерона), обошелся в 200 тысяч сестерциев. Существуют разные оценки стоимости сестерция по отношению к современным деньгам, и они сильно отличаются (от 1 доллара до 2 евро, иногда и до 10 долларов за сестерций). Думаю, что наиболее правдоподобен курс 1 современный доллар за 1 сестерций (о переводе цен в сестерциях в рубли 1913 г. см.: Зоргенфрей, Тюлелиев. 1910. С. 127). Точно определить цену древней валюты в современных деньгах сложно. Если считать, что сестерций стоил не 1 доллар, а 2 евро (Анджела. 2016. С. 150) или даже дороже, то и богатство римской элиты окажется еще большим.

упали. А потом и стоимость кредита снизилась с 12 до 4 %. После этого начался общий экономический подъем (обычный во времена обилия дешевого капитала) и бум на рынке недвижимости. Недаром император Октавиан Август гордо говорил, что он пришел в Рим, построенный из кирпича, а оставил его потомкам в мраморе. И все благодаря захвату Египта и оттоку оттуда денег в Рим! Дело ведь было не только в зерне – римляне старательно прочесывали долину Нила, собирая налог, который должны были платить все мужчины возрастом от 16 до 60 лет.

«После войн, отдавших во власть Рима Африку и Азию, столь прославившуюся своей промышленностью и искусством, эту школу роскоши и тонкого вкуса, источник бесконечного соблазна, неиссякаемый источник обогащения для публиканов и проконсулов, – после этих войн рост богатства достиг высшей ступени... Рим превратился на несколько столетий в крупный международный рынок богатств», – писал 100 лет назад итальянский историк Джузеппе Сальвиоли⁴².

Впрочем, богатство империи накапливалось, кроме Рима, лишь в нескольких крупных городах. Простые римляне пили в основном воду, а не вино и сами выращивали для себя все, чтобы прокормиться. А многие вообще были близки к черте бедности. Так что государством всеобщего благополучия Римская империя не стала.

Да, Рим в те времена оказался главным рынком всего мира. Здесь накопились огромные запасы золота и серебра, а состоятельное городское население много потребляло. Но этот город мало производил (разве что вино и шерсть, но экспортировались они в небольших количествах). Большинство товаров ввозились в него из провинций империи. Не был Рим и на перекрестке торговых путей. Текущие в него из дальних стран потоки золота создавались только завоеваниями и расширением империи. Остановиться римляне уже были не в состоянии – у них ведь не существовало других источников богатства. Долго ли все это могло продолжаться? Пока римляне верили в свою непобедимость. А вера – вещь зыбкая и непостоянная.

«Жить в истории, покушаясь на ее же законы, – вот судьба, которую избрала для себя Империя. И ее незримый разум поглощен лишь одной мыслью: как не допустить конца, как не умереть, как продлить свою эру»⁴³. Однако после III в. в Римской империи, уходящей своими корнями в глубокую древность, начался упадок. Он ощущался повсюду – в экономике, искусстве и науке. Империя исчерпала свои возможности. Попытки Юлиана возродить дух Античности ни к чему не привели – этот дух не возродился, как не может ожить увядший цветок. Наступили времена всеобщего пессимизма и разочарования.

А потом Рим пал – в 476 г. н. э. его захватили варвары, предки сегодняшних жителей Франции и Германии. Римляне варваров презирали (примерно так же, как кошки презирают собак). А варвары римлян ненавидели (как собаки – кошек), ненавидели всю эту империю с ее легионами. Но в то же время она всегда была для них предметом зависти, чем-то запредельным для понимания. Им очень хотелось считать себя продолжателями традиции Рима, и так родился миф о том, что Римская империя – прародитель Западной Европы.

«...Рим – это связь между древним и новым миром, так как безусловно необходимо, чтобы на земле существовала такая точка, куда каждый человек мог бы иногда обращаться с целью... соприкоснуться со всеми воспоминаниями человеческого рода, с чем-нибудь... осязательным, в чем видимо воплощена вся идея веков, – и... эта точка – именно Рим. Тогда эта пророческая руина поведаст вам все судьбы мира, и это будет для вас целая философия истории, целое мировоззрение, больше того – живое откровение», – писал Петр Чаадаев⁴⁴.

⁴² Сальвиоли. 1923. С. 31. «Стоит произнести имя Рима, столицы цезарей, чтобы вызвать в памяти кучу... анекдотов: о виллах, построенных на дне моря, о садах, устроенных на крыше грандиозных домов; о золоте и серебре, употребляемых для подковывания мулов и для изготовления ваз, предназначенных для самого низменного употребления» (Там же. С. 34).

⁴³ Кутзее. 2004. С. 212.

⁴⁴ Письмо А. И. Тургеневу, 20 апреля 1833 г. (Чаадаев. 1991. Т. 2. С. 80).

Облекать прошлое в удобную форму несложно. Действительно, отчасти и Рим, и весь античный мир, живой и динамичный, подготовили современную цивилизацию (чего не скажешь о Древнем Египте или Вавилоне). Но лишь отчасти. На самом же деле античный мир был гораздо более сложным, чем мы привыкли думать, и его история закончилась с падением Рима⁴⁵. И если бы гордые римляне узнали, что века спустя потомки каких-то галлов, франков и германцев считают себя продолжателями великой империи, они бы, наверное, долго смеялись.

---

⁴⁵ А может быть, Константинополя, столицы Восточной Римской империи, прожившей гораздо дольше, чем Западная.

Форум

Когда все семь холмов Вечного города застроили, нужно было найти место для деловых и личных встреч. Так в долине реки Тибр появились торговые ряды, и скоро эта площадь стала центром города – Форумом, где собирались самые разные люди. Здесь же сидели ростовщики и менялы: жители соседних селений приезжали в Рим с разными монетами, чтобы закупить соль. Ее тогда добывали, высушивая морскую воду, – это делали на плоском побережье недалеко от Рима. Чтобы добраться туда, всем приходилось ехать через город, что стимулировало римскую торговлю.

Вначале на южной стороне Форума располагались «старые лавки» торговцев, а после сильного пожара в 210 г. до н. э. построили «новые лавки». Но и этого скоро стало мало: в Риме жило уже четверть миллиона одних только свободных граждан мужского пола. В 184 г. до н. э. Катон воздвиг базилику, и возле нее начали проводить коммерческие встречи. В конце концов Форум стал главным центром общественной жизни. Именно туда шли, чтобы узнать все новости, сплетни и, главное, цены на рынке. С 59 г. до н. э. там даже можно было прочесть написанные от руки «Ежедневные известия» (*Acta Diurna*), ставшие далекими предтечами наших газет.

На рубеже тысячелетий, во времена Цицерона, количество свободных граждан – мужчин в Риме увеличилось до миллиона, и на Форуме опять стало тесно. Тогда Юлий Цезарь купил землю на северном краю Форума, приказал снести все дома и начать строить там новую площадь и рынок, Форум Юлия, к которому император Август добавил свой Форум Августа. Еще крупнее был рынок, построенный императором Траяном к 114 г. н. э., – он примыкал к рынкам Юлия Цезаря и Августа⁴⁶.

Неподалеку проходила большая торговая улица – улица Этрусков, где находилось множество магазинов: фруктовые, рыбные, торгующие благовониями, самыми дорогими тканями и множеством других вещей, столь необходимых элегантным римлянам. Они, конечно, презирали торговлю и лавочников (как и саму улицу Этрусков), однако в магазины все равно ходили – покупки ведь нужно где-то делать.

На Форуме сосредоточился весь финансовый бизнес – недаром про банкротов говорили: «*Foro cedere, abire, a foro fugere*» – «обанкротиться, уступить место на Форуме, сбежать с Форума». Финансисты встречались между оградой храма и «священным колодцем» Либона (*Puteal Libonis*). Его называли так в честь правителя города – претора Луция Скрибония Либона, по указанию которого в 80 г. до н. э. колодец построили на месте, куда ударила молния. Находился он недалеко от храма Кастора⁴⁷, в котором хранили свои деньги менялы. В речи «За Сестия» Цицерон упоминал о ростовщиках, всегда толпившихся между колодцем и храмом. Там образовалась целая финансовая тусовка, где договаривались о кредите и рассчитывались по предыдущим долгам.

---

⁴⁶ Специализированные и оптовые рынки находились ближе к реке, по которой на баржах подвозили товары. Рынок скота – Бычий форум – располагался в низине между городом и рекой Тибр. Там же был рыбный рынок, а также овощной и фруктовый.

⁴⁷ Храм Кастора и Поллукса, построенный на Форуме в 484 г. до н. э.

Аргентарии

В Древнем Риме государство не вмешивалось в предпринимательство, и на огромной территории с единой валютой, безопасными дорогами и морскими путями были созданы все условия для процветания торговли и финансовых услуг. В Риме хватало не только свободных капиталов, но и финансовых посредников, хорошо знавших свое дело. Деньги в долг давали представители всех сословий римского общества – от сенаторов до простых свободных граждан и даже вольноотпущенных рабов. Однако основными посредниками стали так называемые всадники и аргентарии.

Всадники представляли собой состоятельную римскую финансовую аристократию и были следующим после сенаторов социальным классом римского общества. Занимались они в основном крупной торговлей, а наиболее активная их часть, публиканы, брали у государства подряды на сбор налогов в провинциях (о публиканах мы еще поговорим подробнее дальше). Однако публиканы не оказывали банковских услуг, за исключением выдачи обычных ростовщических кредитов, так что банкирами их не назовешь.

Кроме всадников, деньги в долг давали профессиональные менялы – аргентарии (*argentarii*), менсарии (*mensarii*) и нуммуларии (*nummularii*). Менсарии и нуммуларии занимались только обменом монет. Аргентарии⁴⁸ же предлагали различные финансовые услуги, которые сегодня у нас ассоциируются с банками, – принимали вклады под проценты, выдавали кредиты (естественно, тоже под процент) и проводили операции с текущими счетами своих клиентов.

Аргентариев принято считать первыми банкирами. Они появились в конце IV в. до н. э., примерно на 100 лет позже, чем греческие трапезиты. Первоначально они, как и трапезиты, сидели за своими столиками и занимались обменом монет («Меняло с кучей здесь Нероновых денег // О грязный стол гремит монетой со скуки», – писал о них римский поэт Марциал⁴⁹), а потом занялись кредитом. Банкирские конторы аргентариев находились на центральных рыночных площадях городов, а в Риме они собирались на Форуме.

Кредит стал обычным делом (особенно при покупке недвижимости) – его множество раз упоминали римские историки. Пользовались кредитами чаще всего аристократы и дети богатых родителей. Свободных капиталов тоже хватало, поэтому их владельцы охотно давали деньги в долг. Так поступали и глава римского сословия всадников Атик, и Юний Брут, да и другие. Правда, в долг давали через подставных лиц или банкиров. Ведь ростовщичество долгое время было запрещено и предоставление кредитов могло стоить репутации. А для римлян она была очень важна.

Римские аргентарии были влиятельными людьми, но относились к ним, как и в Греции, по-разному – по обстоятельствам. Хотя Петроний в «Сатириконе» (LVI) отзывался о них с уважением: «... Чье... самое трудное занятие, после литературы? По-моему, лекаря и менялы... Меняла же сквозь серебро медь видит»⁵⁰.

Вначале аргентарии выдавали кредиты и принимали депозитные вклады. В I в. н. э. перечень их услуг расширился. Появились и безналичные платежи, и перевод денег (*permutatio*), и прототипы векселя – долговые обязательства синграфы и хирографы. Цицерон, не раз бравший кредиты, упоминает в своих речах многих финансистов. Это его друг и личный банкир Тит Помпоний Атик, Луций Эгнаций, Марк Клувий, Гай Весторий, Тит Пинний, Марк Лений, Квинт Миндий и многие другие.

---

⁴⁸ Слово *argentarius* происходило от *argentum* – серебро.

⁴⁹ Марциал. Эпиграммы. XII, 57.

⁵⁰ Петроний Арбитр. 1990. С. 108.

Но не эти финансовые услуги стали главной инновацией римлян, их вкладом в создание финансового мира, а нечто совсем другое, чего раньше не существовало в истории, – система права. Право, которое так любили систематизировать римляне, и особенно коммерческое право (оно вполне сложилось к III в. до н. э.), стало неотъемлемой частью империи. Почему именно римляне оказались творцами права? Думаю, что в их стремлении создавать четкие законы, определяющие разные стороны повседневной жизни, было нечто общее со стремлением создать империю. Это желание все упорядочить, все контролировать и формализовать.

Система коммерческого права четко определила сущность кредитных операций. Так произошел их переход из сферы обычаев в сферу правовых понятий. Это обеспечило защиту собственности и повысило готовность к риску во всех финансовых услугах. А изобилие свободного капитала, доступность кредита и готовность рисковать – основа всех радикальных финансовых инноваций.

Какой процент брали аргентарии за кредиты? Он зависел от экономических и политических обстоятельств. Первоначально, в 452 г. до н. э., был установлен фиксированный процент за кредит – 8,5 %. В 342 г. до н. э. кредиты под проценты полностью запретили для граждан Рима, но этот закон легко обходили – давали и брали кредиты через посредников, неграждан или вольноотпущенников. В 88 г. до н. э. Сенат снова разрешил кредиты и установил процентную ставку – 12 % годовых. Желających дать свои деньги в долг оказалось так много, что цена кредита скоро снизилась до 4 % годовых. Понятно, что все старались взять в долг на более выгодных условиях. Цицерон в одном из писем упоминал, что цена потом снова выросла с 4 до 8 %. А в другом письме просил найти ему кредитора, готового дать хотя бы под 6 % годовых.

Впрочем, такие условия были только в столице. В провинции приходилось платить гораздо больше. В Сицилии – 24 %, а в более отдаленных провинциях стоимость кредита могла доходить до 48 % и даже выше. Римские финансисты и политики использовали эту разницу для своей выгоды – брали деньги в долг в Риме и давали кредиты в провинциях под огромные проценты⁵¹.

Интересная история связана с Юнием Брутом. В 56 г. до н. э. жители города Саламин на Кипре (этот древний город находился в шести километрах от современной Фамагусты), обремененные непомерными налогами, послали своих гонцов в Рим, чтобы взять кредит. Однако принятый незадолго до того закон Габиния запрещал жителям провинции брать деньги в долг в Риме, чтобы они не обогащались на разнице процентов. Влиятельный Брут решил нажиться на этом и ради такого выгодного дела обойти закон. Он предложил саламинцам деньги в долг под 48 % годовых. Тем ничего не оставалось, кроме как принять условия Брута. Когда пришло время получить проценты, он отправил своего представителя Скаптия с военным отрядом – на всякий случай. И отряд таки пригодился. Саламинцы заявили, что у них нет денег платить проценты. Скаптию пришлось взять в осаду здание, где заседал городской совет. Осада длилась долго – пять членов городского совета умерли от голода. Но денег саламинцы так и не заплатили – видимо, действительно нечем было. Скаптию пришлось снять осаду и вернуться ни с чем.

Потом римского правителя провинции Киликии (в нее входил тогда и Кипр) Аппия Клавдия сменил Цицерон. Скаптий снова стал просить у него военный отряд, чтобы выбивать долги из саламинцев. Но Цицерон не поддержал эту идею: он хорошо понимал, что саламинцам дали деньги в долг под 48 % с явным нарушением закона. При этом он не знал, что деньги давал его друг Юний Брут, и думал, что это дело Скаптия. Потому он постановил, чтобы долги заплатили за прошедшие шесть лет из расчета 12 % годовых, а также проценты на проценты. Скаптий

⁵¹ Личный банкир Цицерона Тит Помпоний Атик давал деньги в долг частным лицам и городам из расчета 36–48 % годовых. Бывали займы городам и под 75 %.

настаивал на своем, ссылаясь на расписку. Но Цицерона раздражала эта откровенно спекулятивная сделка. И тогда Скаптию пришлось признаться, что деньги-то на самом деле Брута. Цицерон оказался в затруднительном положении. Ссориться с Брутом ему не хотелось, но и уступать Скаптию он из принципа не желал. Поэтому он устранился от этого дела – перестал в него вникать. Вскоре назначили другого правителя Киликии, и чем все закончилось, мы так и не знаем.

Гай Рабирий Постум – история банкротства

Гай Рабирий Постум был из тех, кому знакомы все пути для добывания денег. Этот банкир и сын богатого публикана жил во времена Юлия Цезаря. Рабирий ввязывался во всевозможные аферы, брал на откуп сбор налогов, давал кредиты богатым частным лицам, царям и целым провинциям. Гай хорошо чувствовал, какое дело действительно выгодное, а с каким не стоит связываться. И постоянно получал хорошую прибыль. Многие сделки он совершал на собственный страх и риск, но часто давал возможность заработать своим многочисленным друзьям. Поэтому Рабирий Постум имел такую популярность в Риме. Но однажды чутье подвело его – Гай не диверсифицировал свои риски, проще говоря – сложил яйца, а вернее деньги, в одну корзину.

В 59 г. до н. э. царь Египта Птолемей XII Авлет наконец добился признания со стороны Рима – Юлий Цезарь объявил его другом и союзником империи. Однако римский историк Светоний утверждал, что все происходило не так просто и Птолемей заплатил за это признание 6 тысяч талантов. Говорили, что эти деньги дал царю Гай Рабирий, а Цезарь (между прочим, друг банкира) гарантировал тому, что власть Птолемея над Египтом крепка и он без проблем скоро вернет долг с процентами.

Но уже в следующем, 58 г. до н. э., когда Птолемей начал слишком жестко собирать налоги с подданных, чтобы расплатиться с долгами, те восстали и изгнали его. В 57 г. до н. э. царь прибыл в Рим просить помощи. Ну и, конечно же, еще денег. По слухам, Рабирий дал ему в долг чуть ли не весь свой капитал. Но главное – дал под 100 %! Ведь Птолемей оказался в безвыходном положении. Хотя, может, он и тогда уже решил, что не будет отдавать долг, потому и согласился на такой невероятный процент.

А Гай Рабирий считал, что дело более чем выгодное, и ему пришлось самому брать капиталы у своих друзей. Когда Птолемей прибыл в Рим просить поддержки у Сената, роскошную царскую свиту тоже пришлось оплачивать банкиру. А потом еще и давать деньги самым влиятельным сенаторам, чтобы привлечь их на свою сторону. Не знаю, закрадывались ли у Рабирия сомнения, но пути назад уже не было – нужно было довести дело до конца, чтобы не потерять свои капиталы. Всем тогда в Риме казалось, что власть Птолемея быстро восстановится и тех, кто его поддержал, царь щедро отблагодарит. Так что не один Рабирий помогал изгнаннику – в это включились и полководец Помпей, и правитель Киликии Лентул, и многие другие влиятельные лица.

Однако началась борьба группировок в Сенате, и, чтобы не усиливать напряженность, сенаторы вообще отказали в помощи Птолемею. Тогда Рабирий посоветовал царю просить помощи у проконсула Сирии Авла Габиния. Банкир знал, что Габиний будет готов на все ради денег. Ему пообещали огромную сумму – 10 тысяч талантов, если он нарушит постановление Сената и поможет Птолемею. У Габиния в Сирии были войска, в 55 г. до н. э. они вошли в Александрию и вернули власть Птолемею. Когда Рабирий узнал об этом, он сразу же отправился к Птолемею забрать свой огромный долг с не менее огромными процентами. Гай Рабирий даже согласился принять должность диоикета Египта (что-то вроде министра финансов) и начал жестко собирать налоги с народа – и для себя, и для Габиния.

Однако возникло массовое недовольство, и Птолемей забеспокоился, как бы его снова не свергли с престола. Да и не хотел он отдавать долги. К тому же появился повод избавиться от своего кредитора – и царь посадил Рабирия в тюрьму за сбор непомерных налогов. Банкир понял, что дело плохо, и в 54 г. до н. э. ему как-то удалось бежать из Египта, подкупив нужных людей. Он уже внутренне согласился потерять огромные деньги, лишь бы спасти свою жизнь. К тому же он, пока был министром, закупил много всяких египетских товаров (папируса, льна,

стеклянной посуды), которые пользовались спросом в Риме, и загрузил ими несколько кораблей.

Когда он прибыл в столицу империи, там сразу разнеслись слухи о возвращении банкира, о якобы огромных богатствах, привезенных на этих кораблях, и об отдельном судне, груженном золотом. Однако ценность груза сильно преувеличивали. На деле же египетские товары Рабирия продавались плохо, а корабля с золотом вообще не существовало. Закончилось все тем, что банкир полностью разорился. Вдобавок в том же 54 г. к суду привлекли Габиния (он ведь за взятку нарушил постановление Сената), а вместе с ним и Рабирия – как участника этого дела.

В Риме все только и говорили об этом. Как обычно, бесчисленные друзья сразу отвернулись от финансиста, а завистники распространяли слухи, что он притворяется банкротом, чтобы скрыть свое состояние от кредиторов. Однако Цицерон не покинул банкира – он помнил, как во время изгнания именно Рабирий его поддерживал и давал денег. Знаменитый и влиятельный оратор везде защищал Рабирия, в том числе в суде. А главное – за банкира заступился могущественный Юлий Цезарь. Так что Гай Рабирий Постум, потеряв богатство, хотя бы сохранил свободу и честь. Правда, ему пришлось отойти от крупных дел, но позора и нужды он избежал.

Успешный банкир и друг Цицерона Тит Помпоний Аттик

Тит Помпоний, друг знаменитого Цицерона, был не менее знаменитым банкиром. А также политиком, писателем и философом. Родился он в 110-м, а умер в 32 г. до н. э. Тит принадлежал к сословию всадников и рос в достатке. От отца он получил в наследство 2 млн сестерциев, так что стартовым капиталом его обеспечили. В годы его юности в Риме шла борьба между политическими партиями Мария и Суллы, и, не желая во все это ввязываться и подвергать себя опасности, будущий банкир благоразумно уехал в Афины, чтобы получить там хорошее образование. Но и о коммерции он не забывал – давал в долг на выгодных условиях. Ведь деньги у него имелись.

Как раз в это время Афины взяли крупный городской заем, но в срок его вернуть не смогли. Начали нарастать проценты, и Тит Помпоний вмешался. Используя свои знакомства со многими финансистами (которые он уже успел завязать, несмотря на молодые годы), Тит добился отсрочки платежа по долгу. А потом, чтобы погасить сам долг, раздобыл денег на более выгодных условиях, чем это могли сделать афиняне, причем себе не взял никаких комиссионных.

В это время дядя завещал молодому банкиру 10 млн сестерциев, так что его богатство сильно возросло. Эти капиталы Тит вкладывал в Афинах в земельную недвижимость. Занимался он и откупом налогов, со временем стал главой всего сословия всадников. Хотя лично для него сферой интересов оставалась Греция и провинции в Азии, где он давал выгодные кредиты (под 3–4 % в месяц, соответственно 36–48 % в год, что было весьма и весьма неплохо). Где только не было у него клиентов – на острове Делос, в провинциях Македония и Эпир, в Эфесе и во многих других городах! Клиенты считали Тита порядочным и честным по сравнению с другими всадниками. Что не мешало банкиру жестко требовать уплаты процентов до последней монеты.

Если верить древним историкам и писателям, Тит Помпоний оказался человеком благоразумным, старавшимся избегать зависти со стороны конкурентов. Он предпочитал не участвовать ни в каких группировках, а в делах был энергичным и активным, постоянно искал новые и новые выгодные сделки. Имелась у него, говоря современным языком, и книгоиздательская компания. На самом деле это была группа рабов, переписывавших книги – поэтические произведения любовного и сатирического характера. В то время такие рукописные книги гарантированно давали 100 % прибыли – спрос на них был. Если что-то не продавалось в Риме, то покупатели находились в провинциях. Хотя для Тита, конечно, этот бизнес являлся далеко не главным – скорее самым мелким.

Когда в Риме прекратилась борьба группировок, банкир вернулся в столицу, взяв себе новое имя – Аттик. Несмотря на всем известное богатство, жил он там достаточно скромно, к политическим партиям не примыкал и выбрал для себя респектабельный имидж состоятельного любителя книг и последователя философии Эпикура, безмятежного и невозмутимого. Имидж работал хорошо – Аттика все знали и уважали. С годами он все больше отходил от ростовщических операций и выгодно вкладывал деньги в земельную недвижимость в самом Риме и его окрестностях.

Среди многочисленных друзей Аттика едва ли не самым главным был Цицерон. В память об этой дружбе осталось более двух сотен писем. Познакомились они еще в молодости (скорее всего, в 90 г. до н. э.), когда вместе изучали право. Потом Тит большую часть своей жизни провел в Афинах. А Цицерон после недолгого изгнания вернулся в Рим, и общение с другом молодых лет продолжалось в письмах.

Часто там вспоминали и о денежных вопросах. Несмотря на советы Аттика, Цицерон не умел хорошо вести свои дела. Да и не входил он в круг самых богатых римлян. И хотя среди

его должников встречались имена представителей высшей элиты, включая Цезаря, кредиторов у знаменитого оратора всегда оказывалось больше⁵². Атик, хорошо знавший своих римских коллег-финансистов, писал им рекомендательные письма, чтобы те давали Цицерону кредиты, и у давнего друга деньги имелись постоянно, пусть и взятые в долг.

Так как Тит, кроме банкирских дел, занимался еще и рукописными книгами, Цицерон в письмах не раз просил своего друга присылать ему что-то интересное для чтения. А когда в 67 г. до н. э. знаменитый оратор построил себе новый дом, он обратился к Атику с просьбой собрать ему библиотеку. Со временем друзья стали родственниками – Помпония, сестра Тита, вышла замуж за Квинта, брата Цицерона.

---

⁵² Буассье. 1993. С. 122.

Публиканы

Любовь к книгам привили мне родители. Это отец впервые привел меня в букинистический магазин. Меня, еще маленького, там полностью очаровали книги XIX века. Даже не сами книги, а их переплеты – кожаные корешки с золотыми буквами, а еще разноцветная мраморная бумага – кто видел, тот знает. И запах старых пожелтевших страниц – запах веков. Это было так не похоже на всем нам знакомые книги второй половины XX века! Пришло время, и я смог себе позволить покупать старинные книги, о которых даже не мечтал.

Спустя годы любовь к таким книгам как-то незаметно прошла. Появилась возможность заказывать на сайте Amazon любые новые, на английском языке. Хорошо изданные, на тонированной бумаге, с яркими изящными обложками, они пахли совсем по-другому. Это был запах современной жизни – запах глобализации. Но и эта любовь прошла. Новые книги заполнили мои полки, потеснив старые, и я в какой-то момент понял, что большинство из них давно уже не брал в руки. Они просто занимают место в кабинете. Много места. И тогда я полюбил электронные книги. И места не требуют, и, когда становятся ненужными, можно легко и без жалости удалить файл. Бумажную книгу ведь так не выбросишь – рука не поднимается. Есть особая прелесть взять вечером планшет, выключить свет – и на ярком белом экране побегут перед глазами буквы, складываясь в слова и истории – о других людях, других жизнях и судьбах. Еще я люблю аудиокниги – они напоминают мне о тех далеких вечерах, когда мама читала нам с отцом что-то вслух.

Когда-то давно, будучи книжным шопоголиком, я купил «Дигесты» Юстиниана. Зачем – я и сам не знал. Трудно было представить, что я, занятый делами бизнеса, когда-то стану читать эти римские законы. Но не купить эту прекрасно изданную книгу я просто не мог – руки тянулись к ней. И вот, спустя годы, «Дигесты» пригодились мне, когда я писал эти страницы о древнеримских обществах.

Римляне называли их именно так – общества (*societas*). События сравнивать их с нашими акционерными обществами отбрасываем сразу. Прошлое отличается от настоящего, и римские общества не похожи на современные. Однако в Риме общества стали привычной частью повседневной жизни⁵³. Они создавались для объединения имущества или капиталов с целью ведения какого-то общего дела. Обычно в них участвовало два-три человека. Многие общества не предполагали получение прибыли – их создавали для ремонта дорог или мостов, постройки небольшого оросительного канала или стены вокруг поля.

Коммерческие общества занимались торговлей, в том числе морской. «Дигесты» о них лишь кратко упоминают (II, 52) как о вещах всем известных. Коммерческие общества для морской торговли создавал римский политик и писатель Марк Катон (234–149 до н. э.), выдавая им потом кредиты. «Он основывал сообщество и приглашал получивших ссуду вступить в него. Когда их набиралось пятьдесят человек и столько же судов, Катон через посредство вольноотпущенника Квинктиона (который вел все дела совместно с должниками и вместе с ними пускался в плавание) брал себе одну долю из пятидесяти. Так, рискуя лишь незначительной частью целого, он получал огромные барыши»⁵⁴.

Не все коммерческие общества занимались торговлей – об одном из таких, не торговых, упоминает Цицерон⁵⁵. Общество образовали два человека – Фанний, хозяин раба по имени Панург, и знаменитый актер Росций. Сам по себе раб стоил немного, но Росций обязался обу-

---

⁵³ Римское право предполагало несколько типов обществ: *societas privata*, *societas voluntaria*, *societas vectigalium* и др. Такие общества не являлись юридическими лицами, и все их имущество и капиталы принадлежали не обществу, а участникам.

⁵⁴ Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Катон. XXI (Плутарх. 1961. Т. 1. С. 447).

⁵⁵ См.: Цицерон. Речь за Квинта Росция – актера (<http://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=1267351003>).

чить его актерскому искусству, после чего выступления Панурга должны были приносить большую прибыль. Общество создавалось для того, чтобы узаконить распределение этой прибыли между хозяином раба и обучившим его Росцием.

Наиболее интересными были общества публиканов – налоговых откупщиков, существовавшие во времена Римской республики и полностью исчезнувшие в эпоху империи. Публиканы (*publicani*, от *publicum* – народ, государство, государственное имущество) принадлежали к сословию всадников. Они брали у государства откупа и на сборе налогов зарабатывали огромные состояния. На откуп отдали даже кормление священных белых гусей Юноны, живших на Капитолии, – гуси ведь спасли Рим в 390 г. до н. э., когда ночью их крики предупредили о нападении на город войска галлов. С тех пор о кормлении гусей должно было заботиться правительство, и оно передало публиканам эту обязанность. После заключения договора назначили специальных людей, которые ухаживали за гусями.

Взяв откуп, публиканы отдавали государству оговоренную сумму налогов и пошлин. Все, что сверх этого, становилось их прибылью. Алчность публиканов быстро росла, и они выжимали все соки из населения – особенно в провинциях. Цицерон писал однажды своему брату Квинту, правителю Азии, что нужно быть богом, чтобы примирить требования публиканов с интересами народа. Этим публиканы и погубили себя, вызвав всеобщее недовольство в обществе.

Контракты на откуп налогов часто были настолько крупными, что один человек в принципе не мог с ними справиться, и так возникла необходимость объединяться в особые общества – *societates vectigalium publicanorum*. Общества публиканов по своей организации действительно похожи на акционерные компании. Более того, они имели свои доли (*partes* или *particulae*), которые продавали и покупали на римском Форуме. «Люди с самыми ничтожными сбережениями принимали участие в предприятиях» откупщиков, и так «мелкие капиталы превращались в акции обществ»⁵⁶.

А тем временем общества публиканов, накопив огромные капиталы, получили немалое политическое влияние и стали во многом определять судьбы Римского государства. Рост их могущества сильно беспокоил правящую элиту, а жесткая манера сбора налогов вызывала всеобщую неприязнь к ним среди римлян. Хотя кое-кто их поддерживал. Цицерон так говорил о представителях этого слоя в 66 г. до н. э.: «...откупщики, почтеннейшие и виднейшие люди... их имущество и интересы уже сами по себе заслуживают вашего внимания. И право, если мы всегда считали подати жилами государства, то мы по справедливости назовем сословие, ведающее их сбором, конечно, опорой других сословий»⁵⁷.

С началом эпохи империи влияние публиканов быстро ограничили. Императорам, особенно Юлию Цезарю, были совершенно не нужны все эти олигархические группировки, которые трудно контролировать. Передачу сбора налогов на откуп отменили, и налогами стали заниматься чиновники. Когда экономическая основа деятельности обществ публиканов нарушилась, они быстро исчезли. Многие римляне понимали, что стремящийся к единовластию император быстро похоронит остатки республиканской свободы. Но неприязнь к публиканам оказалась настолько сильной, что города стремились избавиться от них и помогали властям собирать налоги.

⁵⁶ Сальвиоли. 1923. С. 36.

⁵⁷ Цицерон. Речь о предоставлении империя Гнею Помпею... VII, 17. Трудно сказать, действительно ли Цицерон так думал или же говорил то, что нужно было говорить в данном случае.

Первые «акции» – *particulae*

В обществах публиканов их собственность делилась на доли (*partes*), которые покупались и продавались. Трудно сказать, насколько *partes* можно считать акциями в традиционном понимании (или же это были просто доли), но торговля ими расцвела. О *partes* часто упоминал в своих речах Цицерон. Их владельцев (ими нередко были обычные граждане, иначе говоря – мелкие индивидуальные инвесторы) он называл *participes*. Иногда доли бывали крупными (*magnae partes*), но чаще мелкими (*particula, particulae*)⁵⁸.

Со II в. до н. э. покупка и продажа *particulae* стала обычным делом. «Сделки заключались на ежедневных биржевых сходках возле храма Кастора на Форуме – большой публичной площади Рима. Здесь было тесно от народа, в толпе шла оживленная торговля долевыми паями компаний по откупу налогов, всевозможными товарами, которые продавались как за наличные деньги, так и в кредит, земельными угодьями, расположенными в Италии и провинциях...»⁵⁹ – писал Михаил Ростовцев, известный знаток тонкостей римской экономики. Спекуляция стала модным увлечением, и, поскольку стоимость долей постоянно менялась, приобретение *particulae* напоминало азартную игру, в которую погрузились многие римляне. Так *particulae* стали похожими на акции, имевшими свою рыночную стоимость.

Хотя во времена империи вся эта спекуляция *particulae* исчезла, появление первого прототипа акционерных обществ оказалось одной из важнейших финансовых инноваций. Такое стало возможным только после формирования системы права – еще одного вклада римлян в создание финансового мира. Так во II в. до н. э. появился принципиально новый финансовый инструмент – прототипы акций в обществах публиканов. Сама идея поделить капитал общества на части вместе с готовностью принять риск и вложить деньги в дело совместно с другими, нередко незнакомыми участниками стала совершенно новым взглядом на коммерческие общества. Это была настоящая финансовая революция, такая же, как финансовые революции в столицах капитала следующих веков – Венеции, Амстердаме и Лондоне. Правда, длилось это недолго, и спустя века в Венеции, Генуе и Флоренции все пришлось начинать заново.

---

⁵⁸ Цицерон в речи против Ватиниуса говорит о *particulae*, «имевших высокую цену в данный момент» («*partesillo tempore carissimae*») (Vat. 29). Цит. по изд.: Bang. 2012. P. 215.

⁵⁹ Ростовцев. 2000–2001. Т. 1. С. 47.

Экономический кризис 33 года

Локальные экономические кризисы (связанные с неурожаями, стихийными бедствиями и войнами) бывали в городах и странах Древнего мира и раньше, но кредитный финансовый кризис, чем-то напоминающий современные, произошел, пожалуй, впервые именно в Риме в 33 г. н. э. После сильного неурожая в 32 г. крестьянские хозяйства стали массово разоряться. Император Тиберий, опасавшийся, как бы не начался голод, приказал банкирам и ростовщикам инвестировать 70 % своей прибыли в сельское хозяйство на землях центральной провинции – Италии. Финансисты бросились скупать подешевевшие к тому времени земли – если уж инвестировать капиталы в сельское хозяйство, то хоть на своей земле.

Возник дефицит наличных, и банкиры потребовали от должников срочно погасить долги. У тех денег тоже не было, и они отдавали долги земельной недвижимостью. Цена на землю стала стремительно падать. Многим должникам даже после продажи земель все равно не хватало денег, чтобы вернуть кредиты. Их привлекали к суду, изгоняя из собственных владений, и началась общая паника.

И тогда император Тиберий выдал банкирам 100 млн сестерциев финансовой помощи с условием, что ее можно использовать только для выдачи кредитов на три года под залог земельной недвижимости. Это успокоило панику, и обошлось без массовых разорений. Так (в целом верно, хотя и упрощенно) описывали эти события древние историки, Тацит и Светоний.

На деле же кризису предшествовали сложные политические интриги. Римом фактически управлял консул Луций Сеян. Император Тиберий жил в своей роскошной вилле на острове Капри и почти не вмешивался в дела консула, собиравшегося полностью захватить власть. Однако в 31 г. н. э. Тиберий вернулся в Рим, Сеян и его соратники были схвачены и казнены, а все их имущество, в том числе обширная земельная недвижимость, конфисковано. После того как недвижимость заговорщиков выставили на продажу, цены на землю сильно упали. Желающих купить подешевевшие земли хватало, и они набрали у банкиров большое количество кредитов.

Так, говоря современным языком, стал раздуваться кредитный пузырь, готовый лопнуть в тот момент, когда банкиры потребуют вернуть долги. Все надеялись, как обычно, что одновременно это не произойдет. Однако указ императора об инвестициях в сельское хозяйство стал камнем, который вызвал лавину последующих событий. А так как многие из банкиров были сенаторами и другими важными лицами в государстве, они оказали влияние на императора, чтобы тот выдал им финансовую помощь. Ведь вкладывать свои собственные капиталы в сельское хозяйство никому не хотелось. В общем, кризис 33 года прошел для римской экономики безболезненно – ведь Рим тогда был в зените своего могущества.

Сундук с долговыми расписками

В августе 79 г. н. э. внезапно началось извержение вулкана Везувий, и древний город Помпеи оказался засыпанным толстым слоем пепла. Многие жители погибли сразу, часть успела спастись бегством. Что говорить, страшная трагедия... Однако под пеплом на века сохранились дома со всей обстановкой. Среди них – вилла самого богатого помпейского банкира Луция Цецилия Юкунда. Дом украшали не только фрески и статуи, но и мозаичные надписи на полу «Привет тебе, прибыль!», «Прибыль – это радость!», однозначно говорящие о том, чем занимался хозяин. О жизни Луция известно немного. Его отец был рабом, потом, разбогатев на финансовых операциях, купил себе свободу и по традиции взял фамилию бывших хозяев из богатого рода Цецилиев. Сын продолжил дело отца и стал главным банкиром Помпеев. Среди его клиентов были богатейшие жители города.

В доме банкира сохранился не только его бюст, но и сундук, заполненный долговыми расписками. Всего там нашли 127 тройных дощечек с записями о сделках с 53 по 62 г. н. э. В записях Луция Цецилия Юкунда содержались сведения об операциях, обычных для аргентариев (так, 12 декабря 56 г. банкир перевел некоему Умбрицию Януарию 11 039 сестерциев, что было эквивалентно 11 кг серебра).

У римлян финансовые документы чаще всего представляли собой записи на деревянных дощечках, с одной стороны покрытых воском. На воске делали надписи, а потом закрывали сверху и снизу двумя другими дощечками, чтобы посторонние не могли прочесть текст. Три таблички через отверстия скреплялись шнурком, на котором стояла восковая печать. Делалось это обязательно в присутствии свидетелей – каждый из них ставил свою подпись чернилами на наружных деревянных дощечках. Конфиденциальность обеспечивалась, и при возникновении спорных финансовых вопросов такие записи служили главным доказательством в суде. Если таблички с финансовыми записями не были связаны шнурком с печатью, они считались юридически недействительными.

Деревянные таблички обычно изготавливали из бука, дуба или кипариса. Богачи пользовались такими же табличками из слоновой кости, украшенными золотом и резными барельефами. Когда делали записи, табличку держали в левой руке, а писали на ней правой рукой металлическим заостренным стержнем – стилусом. Кроме дощечек, для финансовых записей использовали иногда папирус и пергамент. Гораций, говоря о собраниях финансистов на римском Форуме, упоминал, что у них к левой руке были подвешены специальные коробочки для пергамента и перьев.

Глава 4

На караванных путях халифата

Арабский мир

«Поистине, богатство вождено; его ищут и на дне морей, и на вершинах гор, и в чаще лесов... ищут его везде, как на востоке земли, так и на западе»⁶⁰. Так говорил в IX в. поэт и писатель аль-Джахиз, живший в Арабском халифате – огромном многонациональном государстве, объединенном не столько военной силой (как Рим), сколько торговлей, арабским языком и религией. Простирался халифат на полмира – от захваченной арабами Испании до границ Китая.

«Мир опустел после римлян...» – громко заявил когда-то французский революционер Луи Сен-Жюст (1767–1794)⁶¹. Да и лорд Байрон написал в таком же духе: «И рухнет мир, когда не станет Рима»⁶². На самом деле мир, конечно, не опустел и не рухнул – он ведь состоял не только из римлян. И не только из европейцев. После падения Рима центр мировой цивилизации переместился на восток – в арабский мир. Европа в те века еще ничего собой не представляла ни политически, ни экономически⁶³. Новой попыткой глобализации и создания единого пространства, включающего в себя разные страны и народы, стал Арабский халифат, существовавший с 632 по 1258 г.⁶⁴

Купеческие караваны шли от Северной Африки до Китая через азиатские пустыни – целый мир, где веками сменялись разные государства и культуры, где сплетались тысячи дорог, вдоль которых возникали богатые города со знаменитыми восточными базарами. Там, на перекрестках торговых путей между Востоком и Западом, между Севером и Югом, встречались разные народы. Из Китая везли тонкие шелка, из мусульманских африканских царств – золотые украшения, а степные кочевники продавали светловолосых рабынь из далеких славянских стран. Купцы считали блестящие на солнце монеты с непонятными надписями и лицами повелителей неведомых империй. Запах аравийского ладана, индийской куркумы, морской соли. И гомон на языках разных стран, объединенных в огромном Арабском халифате.

Истории о том, как заработать миллион, были популярны и тысячу лет назад. Правды в них было столько же, сколько и в современных. Поэтому они легко превращались в сказку. Для арабских купцов символом успеха в бизнесе стал Синдбад-мореход с его фантастическими приключениями во время путешествий по разным морям между Азией и Африкой. Его вело не просто желание увидеть далекие страны и неведомые народы, а практическая цель – выгодно торговать с ними.

После путешествий, совершенных в молодые годы, Синдбад невероятно разбогател и отошел от дел. Вторую половину жизни он провел в своем роскошном доме среди тенистых садов, созерцая танцующих перед ним красавиц и рассказывая друзьям о приключениях в дальних странах. По словам одного из персонажей «Тысячи и одной ночи», пришедшего к Синдбаду,

---

⁶⁰ Аль-Джахиз. 1965. С. 234.

⁶¹ Сен-Жюст. 1995. С. 152.

⁶² «Паломничество Чайльд-Гарольда» (IV, 145; пер. В. Левика).

⁶³ Если пересчитать общее богатство древних царств и империй в граммах серебра на душу населения, то во Франции начала XIII в. оно составляло всего 2,4 г, в Англии в то же время – 4 г, в Арабском халифате в IX в. – 48 г, в Китае – 43 г. А в Древнем Риме – от 17 до 21 г в разные века, в Персии в IV в. до н. э. – 41 г (Гребер. 2015. С. 279).

⁶⁴ Халифат достиг своего расцвета в VIII–IX вв., а его столицами в разное время были Багдад, Дамаск, Каир и другие города.

его взору открылся «прекрасный дом, на котором лежал отпечаток приветливости и достоинства, а посмотрев в большую приемную залу, он увидел там благородных господ... и были в зале всевозможные цветы и всякие благовонные растения, и закуски... и вина из отборных виноградных лоз. И были там инструменты для музыки и веселья и прекрасные рабыни... а посередине этого зала сидел человек, знатный и почтенный, щек которого коснулась седина; был он красив лицом... и имел вид величественный»⁶⁵. С тех пор Синдбад стал примером для остальных арабских купцов. Всем ведь хотелось разбогатеть на торговле и жить, как он, в роскошном доме, полном прислуги, наложниц, книг, сувениров и редких украшений. Неспешно вести свои тайные бухгалтерские книги и деловую переписку, раздавая милостыню беднякам и жертвуя деньги на мечети. А может быть, даже писать стихи – иногда... Хотя скорее просто покровительствовать поэтам и ученым. Накопив кредит доверия, купец мог не волноваться – он знал, что всегда сможет обратить это доверие в капитал, призвав на помощь партнеров и родственников.

---

⁶⁵ 537-я ночь; цит. по изд.: Тысяча и одна ночь. 2007. Т. 5. С. 303–304.

Торговая цивилизация

Вокруг торговли в арабском мире вращалось все – она считалась делом, достойным правоверного мусульманина (купцами были более 60 % мусульманских богословов)⁶⁶. «Если бы Аллах разрешил жителям рая торговлю, они торговали бы тканями и пряностями» – по преданиям, так говорил сам пророк Мухаммед⁶⁷. В этом арабский мир сильно отличался от средневековой Европы, где торговля в то время не считалась почетным делом. Римляне не относились к торговле как к чему-то недостойному, но они не были торговым народом – скорее народом завоевателей. А вот арабы были именно торговым народом, унаследовав в этом дух вавилонян. Недаром халифат включал в себя земли Древней Вавилонии.

Римский историк Плиний Старший еще в I в. н. э. называл арабов богатейшим в мире народом⁶⁸. Задолго до появления ислама они стали основными посредниками в торговле между Римской империей и странами Востока. Именно арабы контролировали знаменитый Великий шелковый путь, со II в. до н. э. по XV в. н. э. соединявший Европу и Азию, и сохраняли монополию на главный товар – китайский шелк⁶⁹. На протяжении веков только арабские купцы доставляли шелк, пряности, жемчуг и африканское золото в Средиземноморье, откуда эти товары везли дальше в страны Европы. Во времена расцвета халифата при династии Аббасидов (750–1258) арабские корабли встречались повсюду, от Средиземного моря до Индонезии и Малайзии. И везли они товары со всех концов света.

В эти века, когда в Европе торговля сокращалась (а городская жизнь приходила в упадок), в халифате с его огромными городами коммерция процветала. Вокруг нее возникли обширные сети формальных и неформальных деловых связей, основанные на личном доверии и неписаном кодексе чести купца. Эти сети доверия помогали распространению ислама вдоль караванных путей и в Центральной Азии, и в африканской Сахаре, и на берегах Индийского океана – главного торгового центра средневекового арабского мира. Там у купцов-мусульман повсюду имелись свои порты, от Адена до Молуккских островов. В Малакке, главном торговом городе на Малайском полуострове, ставшем воротами к богатой пряностями Индонезии, появились кварталы купцов из самых разных стран, от Африки до Китая. Уровень доверия между купцами был очень высок. Сделки скреплялись рукопожатием и возведением глаз к небу – так призывали в свидетели самого Аллаха. Это считалось достаточным. Среди купцов особенно славились выходцы из портового города Басра⁷⁰, повсюду имевшие свои колонии. «Больше всех охотятся за прибылью басрийцы... Кто попадет в самое отдаленное место Ферганы или на самый западный край Марокко, обязательно встретит там... басрийца», – писал арабский географ X в. Ибн аль-Факих аль-Хамадани⁷¹.

Транзитная торговля на большие расстояния неизбежно предполагала открытость новому и толерантность по отношению к другим культурам, с которыми арабам приходилось иметь дело. Ислам, тогда еще молодая религия, был терпимым к другим народам, влияние на которые он хотел распространить⁷². Стоит ли удивляться, что в арабском мире возникли

---

⁶⁶ Ashtor. 1976. P. 111.

⁶⁷ Он ведь много лет был купцом, возглавляя большие караваны, отправлявшиеся в Индию и Китай. А его состоятельная жена Хадиджа вкладывала свои деньги в караванную торговлю.

⁶⁸ Плиний. Естественная история, 6. 32.

⁶⁹ Эту монополию не раз пытался ослабить Рим (а потом Византия и Персия), но ничего из этого так и не получилось.

⁷⁰ Басра и сегодня крупнейший порт Ирака.

⁷¹ Цит. по кн.: Мец, 1973. С. 379.

⁷² Да и сейчас исламские страны очень разные в смысле толерантности и восприимчивости к инновациям. Есть такие, которые стали домом для боевиков и настроены на фанатизм и закрытость. А есть богатые и современные. Посмотрите на самые что ни на есть арабские города – Дубай или Доху, где много иностранцев и отношение к ним дружественное. Или

многие финансовые инновации, основанные на опыте всех тех стран, которые вошли в состав халифата. Это и коммерческие объединения купцов (гирад), и первые прототипы доверительных трастов (вакф), и обеспечение прав собственности, и чек (сакк), и практика передачи долга (хавала) вместе с прототипами векселя (суфтаджа).

Финансисты из Багдада

В городах халифата центром деловой жизни стали знаменитые восточные базары. Там можно было не только совершить любые торговые операции, но и обменять деньги или взять кредит у профессиональных ростовщиков – саррафов. Так как ислам запрещал кредиты под процент⁷³, ростовщиками становились представители других религий. Большинство саррафов – евреи, хотя встречались среди них и христиане⁷⁴. Относились к ним в халифате толерантно. Они могли стать богатыми и известными и даже занять высокие государственные должности. В столице халифата Багдаде самыми знаменитыми финансистами четверть века оставались евреи Юсуф ибн Пинхас и Харун ибн Имран. А в Исфахане (который недаром из-за его торгового значения называли «вторым Багдадом») даже деловой центр находился в еврейском квартале. В Каире особенно много еврейских купцов и банкиров появилось во времена правления визиря Ибн Киллиса, еврея по происхождению. А в XI в. во времена халифов аз-Захира и аль-Мустансира славились знаменитые каирские еврейские банкиры братья Бану Сахл, а также Абу Наср и Абу Саад. Последний имел настолько большой дворец в Каире, что на его террасе росло 300 деревьев в серебряных вазах.

Основными финансовыми центрами в халифате стали Багдад, Исфахан, Каир, Дамаск, Медина и Басра. Багдад основали в 762 г. как столицу Арабского халифата, и к X в. там жило около миллиона человек – он оказался крупнейшим городом мира⁷⁵. Расположенный на пересечении торговых путей, Багдад был главным финансовым центром халифата. Многочисленные профессиональные банкиры в Багдаде занимали отдельную улицу⁷⁶. Они предлагали не только получить кредит для любых торговых операций, но и перевести деньги в другие города и страны, используя прототип чека сакк или подобные векселю письменные долговые обязательства – суфгаджу.

---

⁷³ «Те, которые пожирают [т. е. берут] рост [прибыль от ростовщичества], восстанут только такими же, как восстанет тот, кого повергает сатана своим прикосновением. Это – за то, что они говорили: “Ведь торговля – то же, что рост”. А Аллах разрешил торговлю и запретил рост» (Коран, II, 275). «Не пожирайте роста, удвоенного вдвойне, и бойтесь Аллаха...» (Коран, III, 130).

⁷⁴ Например, известные багдадские банкиры Ибрагим ибн Айюб и Стефанос.

⁷⁵ В Лондоне в то время жило 20 тысяч человек.

⁷⁶ В IX в. даже учредили совет банкиров при халифе.

Первый публичный государственный заем в халифате

Первый государственный заем на 10 тысяч динаров организовали багдадские придворные банкиры Юсуф ибн Пинхас и Харун ибн Имран при халифе Муктадире (895–932). Когда у халифа стало не хватать денег на привычный роскошный образ жизни и военные расходы, великий визирь Ибн аль-Фурат порекомендовал ему обратиться к этим банкирам⁷⁷. А те, согласившись выдать халифу 10 тысяч, предложили для погашения займа платить жалованье придворным долговыми расписками. Для получения по распискам полной суммы приходилось некоторое время подождать, сразу же выдавали только половину. Многие брали сразу половину суммы, на что и рассчитывали банкиры, оставляя себе разницу. По сути, это был первый государственный заем, приближающийся к облигационным займам, а роль облигаций выполняли долговые расписки. Халифу понравилась идея – такие займы проводились и в дальнейшем. Банкиры тоже остались довольны – выдав халифу 10 тысяч динаров наличными, они получили на займе 30 % прибыли⁷⁸.

Финансовые услуги были хорошо развиты и в других городах арабского мира. Персидский путешественник Насир-и Хусрау (Насир Хусрав) писал, что в Исфахане в 1052 г. было не менее 200 банкиров. В Басре в это время банкирское дело приобрело такое развитие, что каждый купец имел счет у своего банкира и расплачивался на базаре только чеками, выписанными на имя этого банкира. А это стало радикальной инновацией в финансовых услугах. Наверное, не случайно она появилась именно в Басре – портовом городе, связанном с самыми отдаленными уголками исламского мира.

---

⁷⁷ Как потом выяснилось, визирь (в то время выполнявший функции премьер-министра) хранил на счетах у этих банкиров 700 тысяч динаров. Так что он лоббировал их интересы не случайно.

⁷⁸ at-Tanukhi. 1929. P. 505.

Гирад и вакф

В арабской караванной торговле давно возникли коммерческие объединения – товарищества, которые назывались «гирад». Чтобы организовать большой караван и закупить для него товары, нужно было немало денег. Один купец таких средств обычно не имел, и он собирал вклады у многих инвесторов, которые чаще всего лишь давали деньги на товары и не принимали практического участия в организации каравана⁷⁹. По сути, гирад мало чем отличался от простых коммерческих обществ, существовавших и в Вавилонии, и в Греции, не говоря уже о Риме. Акционерным обществом гирад не мог быть: идея «фиктивного» юридического лица противоречила принципам исламского права. Однако история распорядилась так, что именно арабский гирад стал образцом для итальянских комменд (уже упоминавшихся выше коммандитных обществ, начавших появляться в X в.), которые обычно считают первыми европейскими акционерными компаниями.

Доверительные фонды (вакф) появились еще во времена пророка Мухаммеда и быстро распространились. В такой фонд передавалось для получения прибыли в доверительное управление имущество – чаще всего недвижимость. Считается, что первый вакф учредил еще пророк Мухаммед, чтобы купить землю в Медине для постройки на ней мечети. Учреждали такие фонды и его последователи. Халиф Умар по рекомендации Мухаммеда учредил вакф на землях Хайбара. Выращенные там продукты распределялись между неимущими и путешественниками либо продавались для последующего выкупа рабов. Кое-что оставалось, конечно, и для управляющего фондом. В те времена не было ни одного состоятельного последователя пророка Мухаммеда, который не учредил бы вакф. В последующие века множество вакфов создали в халифате Аббасидов – для поддержания в хорошем состоянии дорог, оказания медицинской помощи бедным или для сбора средств, которые отдавались паломникам в Мекку⁸⁰.

В XI в. вакфов стало особенно много: через них шло финансирование мечетей. А их управляющие (мутавалли) нередко использовали накопленные фондом капиталы для спекулятивных операций⁸¹. Но и в этих фондах возможности развития были ограничены, так как юридическим лицом вакф стать не мог по той же причине, что и гирад. Передача долей собственности также противоречила исламскому праву. А другого направления развития ни общества гирад, ни фонды вакф просто не имели. Так из-за правовых ограничений уже в конце X в. институциональная креативность в Арабском халифате пошла на убыль. Стала нарастать стагнация, и усилились консервативные настроения.

---

⁷⁹ В исламском праве создание таких товариществ, управление ими и распределение дохода определялись четко. Обычно инвесторы получали около 75 % прибыли, а те, кто занимался организацией каравана, – около 25 %. Учение о «гирад» разрабатывали в VIII в. в школе исламского права Малика ибн Анаса. В школе Абу Ханифы товарищества назывались «мудароба» и «мушарака» (Koechler. 2015. P. 123–128). Подобные объединения существовали в то время и у еврейских купцов (Udovich. 1970. P. 199–201).

⁸⁰ Ahmed. 2004. P. 32.

⁸¹ Kuran. 2001.

Сакк, суфтаджа и хавала

В торговле на далекие расстояния требовался финансовый инструмент для безопасной передачи денег. Им стали чеки (сакк, *sakk*) и письменные долговые обязательства (суфтаджа, *suftajah*), давно известные в арабском мире и связанные с правовой идеей передачи долга (хавала, *hawala*)⁸².

Возможно, мы бы не узнали обо всем этом, если бы не относящиеся к X в. документы еврейских купцов из архива древней синагоги в Каире. В традиции иудаизма запрещено уничтожать старые документы, где есть имя Бога (а оно упоминалось практически везде – как мусульмане писали «Во имя Аллаха»). Они тщательно хранились в генизах – архивах при синагогах. Большинство гениз не дошло до нас из-за войн, гонений на евреев и прочих превратностей истории и судьбы. Но в египетском городе Фустат (сейчас он входит в состав Каира) нашли крупнейший из таких архивов. Там благодаря пустынному сухому климату хорошо сохранились более 200 тысяч документов на еврейском и арабском языках, многие – финансового содержания (договоры, расписки, чеки и суфтаджи). В 1896 г. родившийся в городе Фокшаны (ныне на территории Румынии) раввин Соломон Шехтер (1847–1915) вывез более 100 тысяч рукописей из Каирской генизы в Оксфордский университет, где началось их исследование.

Прототип чека, сакк, был платежным распоряжением, выдаваемым для осуществления платежа в другом месте. Такие чеки были широко распространены в халифате, хотя монеты использовались, конечно, гораздо чаще – особенно в повседневных торговых сделках. Насир-и Хусрау так рассказывал о чеках на рынках Басры: «Торгуют там следующим образом: если у кого-нибудь есть что-нибудь, он сдает этот товар меняле и получает от него расписку. Затем он покупает все, что ему надо, а вместо уплаты дает чек на того же самого менялу. За все время, что купец находится в городе, он... пользуется расписками менял и совершенно не прибегает к звонкой монете»⁸³. Чеки могли передаваться, путешествуя вместе с караванами купцов по Сахаре или всему Индийскому океану⁸⁴. Их обращение основывалось на взаимном доверии.

Однажды богатый меценат выписал сакк писателю аль-Джахизу⁸⁵, но банкир не принял это платежное распоряжение к уплате. Аль-Джахиз, естественно, расстроился по этому поводу и написал стихи о том, что так он и сам мог бы кому угодно заплатить хоть миллион динаров. А через некоторое время аль-Джахизу после его выступления другой меценат выписал чек на сумму 500 динаров на имя одного из банкиров. Тот предупредил поэта, что при уплате денег обычно за каждый динар берется комиссия – один дирхем (около 10 %). Но если поэт проведет в доме банкира весь день и вечер, то он не будет брать комиссию.

---

⁸² Понятие передачи долга (хавала) вместе с требованиями к использованию суфтаджи появились в VIII в. у классиков исламского права – Абу Ханифы и Малика бен Анаса. Однако они не определили форму самого документа (суфтаджи), и он составлялся в произвольной форме.

⁸³ Насир-и Хусрау. 1933. С. 185–186.

⁸⁴ Арабский путешественник X в. Ибн Хаукаль видел в Судане нотариально заверенный сакк на сумму 42 тысячи динаров, выданный жителем Сиджилмасы (до которой было 50 дней пути) для своего представителя Мухаммада ибн Абу Садуна. Этот чек проделал долгий путь почти через всю Сахару (Мец. 1973. С. 378–379).

⁸⁵ Полное имя аль-Джахиза (775–868), который уже упоминался в начале этой главы, было Абу Осман Амр ибн Бахр ибн Махбуб аль-Кинани аль-Басри аль-Джахиз. Родился он в Басре, потом перебрался в Багдад, куда стремились все поэты, ученые и философы: халифы не скупились на вознаграждения талантливым людям. Покровителем аль-Джахиза стал Мухаммад ибн Абд аль-Малик, министр при халифе Мутасиме. Своему покровителю аль-Джахиз преподнес «Книгу о животных», за что получил 5 тысяч динаров. Сменивший аль-Малика новый министр Ибн Аби Дуад также был благосклонен к поэту и заплатил ему 5 тысяч динаров за новую книгу «Красота речи и показ ее». Закончилась жизнь аль-Джахиза драматически: на него, уже старого и больного, упали с полки любимые тяжелые книги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.